

МІР ПАУЖОВ

КОЛИНА
УІЛСОНА
ПЛЕННИЦА

Нэт Прикли

Пленница

Серия «Мир Пауков

Колина Уилсона», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139403

Пленница: АСТ, Северо-Запад Пресс; Москва, Санкт-Петербург; 2001

ISBN 5-17-004052-0, 5-93698-038-3

Аннотация

Один из самых известных фантастических сериалов, начало которому положили произведения знаменитого британского писателя и мыслителя Колина Уилсона, получил свое продолжение в работах отечественных авторов. Мир, где Земля полностью преобразена после космической катастрофы. Мир, где пауки обрели волю, разум и власть. Мир, где обращенный в раба человек должен вступить в смертельную борьбу, чтобы вернуть себе свободу. Мир пауков становится нашим миром.

Содержание

Часть 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

97

Прикли Нэт Пленница

Часть 1

Привратница смерти

По захваченному городу с истошными воплями метались перепуганные люди. В основном – женщины и дети. Они то забегали в темные бревенчатые дома, то выскакивали из них на пыльные улицы, то пытались забиться в какие-то щели, в подполы, на чердаки – то выпрыгивали из окон, разрывая пергаментную полупрозрачную пленку и мчались сломя голову прятаться в другое место, непрерывно, с отчаянным надрывом вопя.

Правитель тихо усмехнулся. Забавность ситуации заключалась в том, что как раз женщинам и детям не угрожало абсолютно ничего. Просто пауки-смертоносцы прочесывали захваченное селение в поисках спрятавшихся воинов, используя при этом свое излюбленное оружие против двуногих – импульсы страха.

Найл еще не забыл, как он сам, будучи пустынным дикарем, пытался противостоять подобным импульсам, приходящим с далеких воздушных шаров. Обычного человека в та-

кой ситуации мог спасти только сок ортиса – мягкий наркотик, убаюкивающий душу и погружающий в спокойный сон.

У жителей города дурманящего сока не имелось – да и он вряд ли защитил бы от мощных импульсов, излучаемых практически в упор, да вдобавок не одиночным пауком, а почти двухтысячной армией.

Сам Посланник Богини в облаве участия не принимал. Он стоял на помосте над северными воротами, любуясь входом в ущелье, перекрытым плотной паутиной почти на двухсотметровую высоту, и с интересом прислушивался к происходящему позади. Прислушивался не ушами, а душой, разумом. Единое сознание братьев по плоти давно стало для него привычным, и Найл практически не замечал его, как человек не замечает в повседневности своего тела. Но стоит подуть холодному ветру, ударить песчаному смерчу – и тут же ощущаешь, как мерзнут руки или колют кожу ног тяжелые песчинки. Вот и сейчас, Посланник не видел, но ощущал, как объединенные общим сознанием люди и смертоносцы идут по улицам, заглядывают в двери и окна, брезгливо отворачиваются от бестолково бегающих жителей.

Случись подобное всего лишь год или два назад – половину детей и женщин уже разорвали бы в клочья и сожрали оголодавшие после дальнего перехода восьмилапые. Однако теперь это были не просто смертоносцы, а братья по плоти. Они помнили, что право соединить свою плоть с плотью братства – великая честь, и не собирались достаивать этой

чести жалких и никчемных обитателей покоренного поселка.

Впереди, на склонах ущелья, зашевелились оставленные на страже серые восьмипалые воины. Видимо, со стороны крепости кто-то все же рискнул выступить против внезапно обрушившегося врага. Правитель сосредоточился, устанавливая ментальный контакт. Перед ним возникла и стерлась картинка – усыпанное крупной галькой дно пропасти, трое арбалетчиков в толстых кожаных куртках и шлемах. Ерунда – из арбалета на такую высоту стрела не поднимется.

Смертоносцы в ущелье осознали мысль Посланника и успокоились, а Найл вспомнил про отряд шерифа, который торопится на выручку поселка. Беспокойство правителя воспринялось единым сознанием и заставило братьев по плоти поторопиться с облавой. Впрочем, никого из воинов северян найти все равно не удалось.

Хотя...

Посланник оглянулся, пытаясь разглядеть, что за суета возникла под крышей двухэтажного дома, богато отличавшегося от прочих стеклянным блеском окон и гладкими, словно из бетона, стенами.

– Ох, и намучаешься ты с ней, – внезапно произнесла неслышно подошедшая Магиня.

– С кем? – Сейчас увидишь.

Посланник покосился на хозяйку Серых гор, но Мерлью предусмотрительно накинула на голову огромный капюшон

своего неизменного бесформенного балахона, и разглядеть, как выглядит сейчас ее лицо, оказалось невозможно.

– Почему ты так думаешь?

– Ты забыл? – голос выдал усмешку, на правителя повеяло легким запахом можжевельника. – Я не думаю, я знаю.

– И что меня так замучит? – спросил Посланник.

– Это твоя жизнь, Найл, – капюшон балахона легко качнулся из стороны в сторону, – Я не собираюсь лишать тебя удовольствия от нее, предсказывая будущие события. Придет час, узнаешь.

– Ну, если всего лишь час, – пожал плечами правитель, – я потерплю.

– Год, – коротко уточнила Магиня.

– Ты ничего не путаешь, Мерлью? – забеспокоился Найл, услышав столь неприятный прогноз. Чай, полторы тысячи лет живешь, для тебя годом больше, годом меньше...

– Нет, Посланник Богини, этот год я не спутаю ни с одним другим, – голос хозяйки Серых гор окреп. Теперь с правителем разговаривала уже не та девчушка, с которой он совсем недавно боролся в подземном городе Дира под улюлюканье сверстников, а властная повелительница, всепроницающему взору которой подвластно прошлое и будущее. Этот год подарит тебе изрядно радостей и тревог, счастья и горя. Тебе предстоит пройти немало дорог и познать много тайн. Вот только меня, извини, весь этот год ты больше не увидишь... Именно потому, что этот год я не перепутаю ни с одним дру-

гим.

На ведущей к воротам улице показалось несколько женщин в длинных платьях, которых конвоировало пятеро пауков и двое парней под предводительством Юлук. Мимолетное соприкосновение сознаний, и Найл остро ощутил как болят натертые соски расплюснутых грудей – трофейные доспехи для женщин явно не предназначались.

– Ты собираешься покинуть меня прямо сейчас? – правитель резко наклонился к Дарующей Дыхание, но мрак под капюшоном не выдал ему даже блеска глаз собеседницы.

– Э-э, нет! – Магиня вскинула руку и покачала у Посланника перед носом пальцем с остро наточенным и окрашенным в алый цвет ноготком. В отряде шерифа почти триста воинов. Тебе не кажется, что половина оружия по праву принадлежит мне?

– Кажется, – повеселев, кивнул правитель, – без тебя этот город мне бы ни в жизнь не взять, прекраснейшая из женщин!

Пальчик, который только что маячил у него перед глазами, принадлежал если и не девушке, то уж во всяком случае и не старухе, а значит, все было не так плохо. Найл взялся за ограждение помоста, легко перемахнул через него и спрыгнул вниз.

– Вы не ушиблись, мой господин? – забеспокоилась Неф-тис, охранявшая внизу подходы к воротам.

– Все в порядке. Посланник подобрал выпавшее копье и

двинулся навстречу женщинам. Телохранительница шагнула следом.

Первой, закинув руки за спину и гордо вздернув подбородок шествовала невероятно худосочная девица. Из-под длинного – ниже колен – подола платья выглядывали ножки-тростиночки, из рукавов тянулись ручки-травинки. Казалось, это шуплое существо должно согнуться под первым же порывом ветра. Даже Найл, всегда считавшийся среди обитателей города пауков шуплым подростком, рядом с этой «красоткой» казался атлетом.

Впрочем, надо отдать ей должное, держать себя в руках девица умела: хотя в сознании ее царил страх на грани паники, внешне пленница смотрелась совершенно спокойной.

Двое женщин позади девицы выглядели куда естественнее – округлые, хотя и дряблые, плечи, розовые упитанные руки, нормальные ноги. Из-под платья выпирали нормальные формы беременных женщин. В сознании женщин царил страх, но страх не за себя, а за дочку князя, которую им не удалось уберечь.

– Ах вот оно что, – кивнул Найл, переводя взгляд на шуплую девицу. Княжна. Какой приятный сюрприз!

Пленнице захотелось сказать какую-нибудь колкость, но на этот раз страх оказался сильнее, и она промолчала.

Последней вели старуху лет семидесяти, тощую, как княжна, но с пятнисто-желтой, покрытой оспинами кожей. Белые, редкие волосы, втянутые в рот губы, отвислые мор-

щинистые щеки.

Впервые в своей жизни Найл видел настоящую, живую старуху. Да, конечно, иногда, в минуты самого плохого настроения Магиня тоже становилась древней, как мир, старицей – но то происходило совсем иначе. Старость хозяйки Серых гор казалась эфемерной, ненастоящей. Это были не годы, а тень веков. А здесь...

– Обнажите ее, – приказал правитель.

Женщины испуганно охнули, старуха попятилась. Юлук выдернула меч, быстрым движением засунула лезвие пленнице под воротник и резко опустила его вниз. Темная ткань с треском разошлась и тяжело упала на пыльную улицу. Старуха суетливо попыталась прикрыть наготу руками, хотя, собственно, скрывать было нечего: вместо грудей висели два блеклых кожаных лоскутка; ключицы, ребра, бедра выпирали наружу, мышцы на ногах отсутствовали начисто, и казалось непонятным, как это существо вообще может передвигаться. Все тело покрывали черные и коричневые пятна, раскиданные по коже цвета гниющей тины. Найл попытался представить себе, что он сам будет так выглядеть всего лишь через пятьдесят-шестьдесят лет, и ему стало мутно.

Нет, смертоносцы совершенно правы – человек не должен доживать до такого состояния. Возможно, отправлять всех в Счастливый Край в сорок лет и жестоко, но допускать сильных и красивых людей до такого состояния...

Посланник поморщился, отвернулся.

– Прикажешь умертвить ее? – отозвался в сознании вопрос Дравига, и Найл ощутил, что столь уродливое двуногое восьмипалому соратнику противно даже лишать жизни.

– У нас есть кого убивать, – покачал головой правитель. Армия шерифа на подходе.

Найл вскинул глаза на Юлук:

– Возьми двух воинов, нескольких пауков, погрузи княжну и обеих беременных женщин на лодку, отвези к порогам. Там пересаживай на наши корабли и отправь в город. Тройлек давно ждет эту добычу.

– Они не беременные, – неожиданно поправила воительница, – они просто очень толстые.

Найл перевел взгляд на животы дородных пленниц и приснул в кулак. Ближайшие воины тоже расхохотались, и только пауки остались невозмутимы – чувство юмора так и осталось недоступным для их сугубо логичного разума.

– В общем, заведи всех троих и отправь в город. Наши корабли должны ждать у порогов, я отдал приказ еще до выхода в поход.

– Но у меня нет лодки, Посланник, – с некоторым замешательством напомнила Юлук.

– Скоро рыбаки начнут возвращаться с озера. Выберешь самый большой баркас и погрузишься на него.

– Но я не знаю, где пороги...

– Рыбаки должны знать. Если им дорога их жизнь и жизнь их семей, они сами укажут дорогу и отвезут в нужное место.

Посланник чуть выждал, давая девушке возможность задать еще вопросы и добавил. Юлук, у тебя хватает и ума, и опыта. Ты справишься. Действуй сама.

– Что вы хотите сделать с няней! – закричала княжна, но правитель уже отвернулся и выбросил мысли о пленниках из головы. Настал час позаботиться об армии северян.

Впервые воины севера встретились с армией Смертоносца-Повелителя всего лишь два года назад, и примерно полторы тысячи двуногих бойцов при поддержке сотни боевых пауков наголову разгромили почти десятитысячную армию восьмилапых в песках у плато древней Крепости. Поражение дорого обошлось империи Смертоносца-Повелителя. Сам повелитель пауков добровольно прекратил свое существование, передав свою власть Найлу. Тысячи людей и смертоносцев отправились в изгнание и почти все сгинули в безжалостных просторах пустыни и хищных джунглях Дельты. Беглецов уцелело считанные десятки – но это были уже не сытые и ленивые, самодовольные хозяева жизни, не покорные безвольные рабы, а закаленные лишениями выносливые и хладнокровные бойцы.

Две тысячи пауков и сотня двуногих бойцов, из которых лишь три десятка имеют настоящее боевое оружие – против трехсот закаленных в бесконечных войнах северян. Соотношение сил казалось примерно таким же, как и два года назад, на этот раз пришельцам противостояли не безликие массы подданных Смертоносца-Повелителя, а братья по плоти: но-

вый народ, возникший во время скитаний, соединенный единым сознанием. Народ, все представители которого – и двуногие, и восьмипалые – считали друг друга близкими родственниками.

Первый раунд схватки за Приозерье выиграли братья по плоти – в то время, как шериф вместе со своим отрядом ждал врага на узком перешейке между побережьем и горным отрогом, Магиня провела войско по дну озера прямо к городу и защищающей ущелье крепости.

Теперь северяне торопились назад, к своему родному селению, которое им предстояло уже не защищать, а штурмовать. Близилось генеральное сражение, которому и предстояло решить исход скоротечной войны за право обладания землями по эту сторону заснеженных вершин Северного Хайбада.

– Нефтис, – приказал правитель, – пусть люди подкрепят свои силы и догоняют нас, а я с Дравигом выступаю навстречу шерифу.

– Я иду с вами, мой господин, – категорически заявила женщина. В словах телохранительницы звучала такая решимость не отпускать правителя одного ни на мгновение, что Найл махнул рукой и спорить не стал.

– Навул, – увидел он парня, на лбу которого после кровавой схватки в казарме северян остался широкий шрам. Выбери себе пять человек. Останетесь здесь. Остальные, как поедят, пусть догоняют смертоносцев. Дравиг оставит вам в по-

мощь еще полсотни пауков. Закройте ворота, выставьте посты на стенах. Будьте осторожны: возможно, кому-нибудь из северян удастся пробраться сюда незамеченным.

– Я понял, Посланник, – подросток легко перекинул копье в левую руку и кивнул. Скот на берегу мы отдадим восьмилапым, а сами найдем еду попроще, да?

Последняя фраза прозвучала не столько как приказ, сколько как вопрос, но Найл не стал отвечать – пусть прикажет командовать сам. На расстоянии полета стрелы от городских стен росла только высокая душистая трава, щедро раскрашенная алыми маками, голубыми колокольчиками, белым клевером, бирюзовыми люпинами, фиолетовыми ирисами, желтые лютиками. Выросшего в безжизненных песках пустыни Найла кольнуло завистью к северянам, любующимся каждый день подобным многоцветием.

Кое-где по травяным зарослям ползали забавные мохнатые и пузатые насекомые с короткими декоративными крылышками. Они неторопливо тыкались головой в каждый бутон, громко чмокали и ползли дальше, оставляя за собой полосу примятой травы. Время от времени насекомые останавливались, начинали беспокойно топтаться, после чего громко и басовито чихали, распространяя по сторонам целые облака налипшей на бока пылицы.

Размером насекомые ненамного превышали ос. Точно, так же, как у полосатых убийц, из кончиков упитанных брюшек торчали длинные и острые, вызывающие вполне понят-

ное почтение жала.

Еще в траве кормились мелкие – с руку размером – белые с зелеными пятнами гусеницы, и уж их-то восьмиллапые не упустили, пожрав с такой скоростью, что движение колонн почти не замедлилось.

Чуть дальше от города начиналось редколесье: одиночно стоящие могучие дубы, клены с огромными разлапистыми листьями, высокие тополя – но не стройные и поджарые, как в городе Смертоносца-Повелителя, а с широкими обильными кронами. Вскоре впереди стала различима зубчатая стена соснового леса, но между ним и травяными лугами внезапно обнаружилось неожиданное препятствие: густая, как тростник, стена невысокого гибкого ольховника с частыми вкраплениями рябины и еще какого-то незнакомого правителю кустарника. Для пауков с их широко расставленными лапами – совершенно непроходимое препятствие.

Двухтысячная армия восьмиллапых разбилась на две колонны: одна стала втягиваться в зеленый тоннель по утоптанной тропинке, уходящей в лес, другая двинулась по относительно широкой дороге, втиснувшейся между кустарником и отвесной горной стеной.

«Хорошее место для засады, – мелькнуло у Найла в голове. Поставить в конце тропы пару арбалетчиков и расстреливать выходящих смертоносцев по одному...»

Дравиг заметно содрогнулся, ощутив мысли правителя. Движение армии немедленно остановилось, а несколько па-

уков, успевших подкрепить силы гусеницами, взметнулись вверх по каменной стене – туда, где ни одна стрела не достанет – и умчались вперед на разведку.

Вскоре движение возобновилось – в ближайших окрестностях обнаружить врага не удалось. А еще через несколько минут восьмипалые вошли под тенистый полог соснового леса. Непроходимые заросли остались позади и пауки быстро разбежались в разные стороны – охотиться.

Посланник стиснул зубы, но промолчал. Смертоносцы не ели уже несколько дней. Впрочем, несколько дней голода для них – пустяк. Они способны обходиться без пищи месяцами.

Но вот многодневные переходы через пески и горы требовали много сил – а значит, и еды. Несмотря на близость врага Найл был вынужден разрешить своему войску рассыпаться в стороны в поисках пропитания.

Жители Приозерья, похоже, не очень жаловали вниманием окрестные леса, и дичи здесь водилось в достатке: крупные черные мухи, серые с темными полосами кузнечики, талящиеся в лесной подстилке слизняки, мелкие синие стрекозы. А еще – странные коричневые личинки размером с человека, медленно ползущие по соснам от корней к вершинам и начисто обгрызающие с деревьев кору. После личинок оставалась только крупнозернистая сухая пыль на земле, да устремленные ввысь, плачущие душистой янтарной смолой белые стройные стволы.

Правитель обратил внимание на темно-бордовые зерни-

стые ягоды, рядом висящие на ветке низкого куста, сорвал одну и положил себе на язык.

– Ух ты, какая сладкая!

– Осторожней, мой господин, – предупредила Нефтис. – Они могут быть ядовитыми.

– Да ну, – не поверил Найл. – Они такие сладкие, что сами в рот просятся. Если куст не хочет, чтобы его ягоды кто-то съел, зачем делать их вкусными?

Правитель быстро обобрал всю ветку, переправив ягоды в рот. Нефтис, которая четвертый день маковой росинки не имела, тоже сломалась и присоединилась к пиршеству своего повелителя. Наслаждаясь дарами леса, они совсем потеряли счет времени, а потому вмешательство Дравига оказалось для правителя неожиданным.

– Мы обнаружили их, Посланник!

– Кого? – не сразу сообразил увлекшийся Найл.

– Армию северян.

Старый смертоносец переслал мысленную картинку, и правитель увидел длинную колонну усталых воинов, бредущих по дороге вдоль горного отрога. Долгий поход в погоню за пауками явно не добавил отряду шерифа бодрости.

– Они далеко?

– Полдня пути.

– То есть северяне появятся здесь только поздним вечером?

– Или ночью. А если встанут на привал, то утром.

– Как твои воины?

– Многие еще голодны, – признал Дравиг.

– Ну что ж, – решительно махнул рукой Найл. – Значит, будем встречать их здесь. Ставьте паутину поперек дороги и уводите ее в лес, постепенно заворачивая вдоль гор. Только не очень близко, чтобы северяне не сразу заметили. Пусть сперва зайдут поглубже в «мешок», а мы их тем временем еще и сзади огородим.

– Обычную паутину ставить или ловчую? – уточнил Дравиг.

Разница состояла в том, что «обычная» паутина была заметно толще и очень плохо растягивалась. Смертоносцы использовали ее для строительства гнезд, создания коконов, для спуска с высоты или переправы с одного высокого здания на другое. Ловчая нить казалась намного слабее – значительно меньше в диаметре, она легко растягивалась во много, много раз. У жертвы создавалось обманчивое впечатление будто нить можно легко порвать – но она тянулась и тянулась, все сильнее затрудняя движение. Стоило в этот миг добыче хоть немного повернуться из стороны в сторону – и она оказывалась опутана нитью вокруг всего тела. Чем больше жертва трепыхалась и сопротивлялась – тем сильнее запутывалась, иногда полностью превращаясь в кокон без всякого участия паука.

Смертоносцы ловчих сетей не применяли уже много сотен лет. Теперь они охотились, полагаясь на ментальную си-

ду своего разума – выпугивая дичь из укрытий импульсами страха, а затем парализуя волей. Однако искусство сознания тонкой и липкой нити пауки отнюдь не утратили – это мастерство сохранялось в их могучих телах на уровне инстинкта, как любовь к воздушным полетам или стремление к продолжению рода.

– Ловчую сеть плетите, – решил правитель, – но погуще. И ставьте ее в несколько рядов. Северяне не должны разглядеть вас за паутиной.

Успевшие перекусить восьмипалые тут же принялись за работу, короткими ударами кончиков брюшек прилепляя чистые и блестящие нити к скале, от нее натягивая к ближайшей сосне, потом опять к скале или к другой сосне – как взбредет в голову ткающему ловушку смертоносцу.

Быстро стало ясно, что поперек дороги и вокруг будущей ловушки вырастает не несколько стен, как задумывал Найл, а одна широкая, метров в пятнадцать, из беспорядочно переплетенных паутин. Однако ясно было и то, что подобное препятствие совершенно непроходимо для любого бескрылого существа.

Число трудящихся пауков постепенно вырастало – все новые и новые «ткачи», успевшие поймать лесное насекомое и насытиться, возвращались в ряды армии. Стена быстро вырастала в высоту, становилась плотнее и плотнее, уходя от горного отрога в лес метров на триста, после чего поворачивая вдоль дороги и, постепенно истончаясь, уходя навстречу

врагу чуть ли не на полтора километра.

– Главное, чтобы не заметили раньше времени, – прикусил губу правитель. Если пойдут по дороге, то пока уткнуться в стену, пока сообразят, пока развернутся, мы им пути отхода отрежем... А если лесом на город двинутся – весь труд насмарку. Как считаешь, Дравиг?

Посланник повернулся к старому восьмипалому воину, ворс на хитиновом панцире которого успел выцвести от времени и стать совершенно седым.

– Они торопятся к городу, – резонно ответил смертоносец. – По дороге двигаться быстрее.

– Но они отлично знают окрестности, – со вздохом парировал Найл. – Шериф может выбрать и иной путь.

За минувшие месяцы Посланник успел убедиться, что важнейшим залогом победы является внезапность. Атака в неожиданном месте, в неожиданный момент. Если он догадался миновать засаду противника озером, то почему бы врагу тоже не организовать обход, не появиться там, откуда не ждут? Ведь шериф опытный воин и не может не понимать столь элементарных вещей!

– Поешьте, мой господин, – окликнула правителя Нефтис.

Оказывается, из города уже подошли люди. Ровная двойная колонна подданных Магини, сжимающих плетеные щиты и короткие копья с иззубренными костяными наконечниками, и нестройная толпа братьев, одетых в трофейные доспехи, с крепкими деревянными щитами, длинными копья-

ми, кончики которых украшала отливающая на солнце сталь, с широкими мечами на боках.

Что ж, если северян удастся разгромить, обитатели озер окажутся вооружены никак не хуже братьев по плоти. Сколько он обещал хозяйке Серых гор? Половину захваченного оружия?

На миг Найл забеспокоился – уж не создаст ли он своими собственными руками у себя под боком сильного и опасного врага? Однако беспокойство быстро рассосалось. Ни при каких обстоятельствах Посланник не мог поверить, что подруга детства начнет с ним кровавую вражду. Пусть у нее будет сильная армия, пусть вырастают сильные, смелые и красивые подданные: вряд ли принцесса Мерлью станет опасным агрессором, но почти наверняка окажется хорошим союзником.

– Отдыхайте, – разрешил Посланник порозовевшим от обильного обеда людям, принял из рук телохранительницы пухлый прямоугольный пирог и немедленно запустил зубы в его мягкую податливую плоть.

Внутри оказалась мелко порубленная, остро пахнувшая, чуть солоноватая белая рыбная мякоть, перемешанная с каким-то зерном. Из братьев никто ничего подобного готовить не умел, и Найл понял, что Навул обеспечил воинов пищей самым простым из способов: прошелся по домам и собрал все, что есть съестного. Наверняка, подобная ревизия не вызвала восторга у горожан – но Найл уже успел узнать от Трой-

лека, как обходятся с захваченными селениями сами северяне. По сравнению с ними – местные жители должны считать, что очень дешево отделались.

– Разведчиков заметили, Посланник! – предупреждение Дравига заставило Найла мгновенно забыть про еду.

Смертоносец выстрелил картинкой, и правитель глазами ушедших вперед восьмипалых увидел, как от отряда северян отделились и устремились вверх по склону четыре паука.

– Пусть не рискуют, – предупредил Найл.

– Разведчиков больше, – успокоил Посланника Богини старый смертоносец.

Среди обитателей паучьего города тоже изредка случались разногласия и даже стычки. Восьмипалые использовали в схватках свою силу воли, умение наносить парализующие или пугающие удары. Дравиг точно знал – если в поединке один на один победу приносить мастерство и воля, то при групповой сваре результат зависит только от численного превосходства. Десять разумов всегда обладают большей ментальной силой, чем четыре.

Боевые пауки северян приближались, отчаянно испуская импульсы страха.

– Глупо, – прокомментировал Дравиг. – Пауку паука никогда не испугать. Лучше бы прикрылись ВУРом. Из под объединяющего разумов взаимоусиливающего резонанса невозможно наносить удары, зато этот волевой щит не пробьет никакая ментальная сила.

На телах северных пауков уже ясно различались защитные ромбики на спинах, сверкали отраженным солнцем глаза, мелькали мохнатые лапы. Под брюхом одного из них Найлу померещилось нечто странное. Дравиг, ощутив интерес правителя, сделал картинку в этом месте четче, крупнее, и оба командира почти одновременно воскликнули:

– Самострел!

Тут же тело Найла скрутила резкая боль в животе. Правитель, охнув от боли, осел на землю, и его тут же отпустило – смертоносец оборвал мысленный контакт.

– Что с вами, мой господин?! – кинулась к нему Нефтис, но Найл уже поднимался на ноги.

– Ну? – потребовал он ответа.

– Их больше нет, Посланник, – с чувством огромной вины, перемешанной со скорбью ответил Дравиг.

Да, северяне хорошо, очень хорошо умели воевать и были невероятно опасным противником. Они снова умело использовали во вред уроженцам пустыни их основной козырь – постоянный мысленный контакт. Благодаря этому контакту смертоносцы всегда действуют как единое целое, всегда знают с кем и что происходит, путь даже на расстоянии в несколько переходов, благодаря этому контакту они всегда готовы прийти на помощь друг другу или просто дать нужный совет. Однако, через этот самый контакт боль одного из пауков мгновенно передается всем остальным. Спрятанный под брюхом арбалет, один точный выстрел – и весь от-

ряд разведчиков оказался на несколько секунд скручен общей раной. Вполне достаточно – боевые пауки несколькими парализующими ударами сбросили их под ноги закованной в латы двуногой пехоте.

– Больше никого не посылай, – предупредил Найл. – Будем ждать.

Гибель разведчиков заставила Посланника вспомнить еще про одну излюбленную северянами тактику – проникновение в мысли предводителя вражеских войск. Хотя князь вряд ли стал бы оставлять в глухом далеком гарнизоне хороших специалистов по чужим разумах, но сбрасывать эту опасность со счетов все же не следовало.

– Дравиг, Нефтис! – громко объявил правитель. Всем отдыхать и набираться сил! Враг устал, он вымотан до предела и слаб. Отдыхайте, нам нечего бояться.

Впрочем, у людей, совершивших тяжелый переход по дну глубокого озера, захвативших Приозерье и только что впервые за много дней сытно поевших и так слипались глаза. Смертоносцы, не привыкшие обсуждать полученные приказы, тоже замерли кто где стоял, и перестали мыслить – в отличие от людей восьмипалые думали не постоянно, а только над возникающими перед ними проблемами. Вскоре над лагерем в лесу повисла тишина.

Найл достал пробирку с зельем Магини, блокирующим любые ментальные излучения и занес над ней руку – но в последний момент одумался. Если начнется бой, то ему при-

дётся командовать не только людьми, но и пауками, а смертоносцы воспринимают только мысленные команды. Правитель обязан был исчезнуть из ментального пространства, сделав это так, чтобы в любой момент суметь вернуться.

Посланник медленно убрал пробирку, поднял глаза к голубому небу. До сумерек оставалось не больше двух часов.

«Отряд шерифа еще очень далеко, – четко и ясно повторил Найл. – Скоро ночь, они остановятся, разобьют лагерь, и раньше утра им до нас не добраться. Можно спокойно отдыхать».

Посланник Богини сел на землю, откинулся спиной на теплый, сладко пахнущий ствол сосны и закрыл глаза.

... Магиня... Смеющиеся глаза светлокожей девчонки по имени Мерлью, горячее дыхание и осторожное покусывание за ухо, навеки оставшиеся в памяти со времен детства и – серый бесформенный балахон. Она не пришла в лес, но прислала своих воинов. Чего-то боится? Или полностью ему доверяет?

Найл не стал задумываться над этим вопросом. Мысленно он отодвинулся от него, наблюдая как клубящийся сгусток проблемы шевелится в сознании и постепенно тает, не получая ментальной поддержки. Взамен пришло воспоминание об уродливой старухе, пережившей все возможные пределы, и сознание правителя едва не всколыхнулась от безразличности – но Найл смог удержать состояние отрешенности. Старуха исчезла, уступив место проплывающим над головой днищам

рыбачьих лодок. Они уже никак не могли вывести тренированный разум Посланника Богини из равновесия. Найл по-прежнему не принимал участия в происходящих в его собственном сознании процессах – и мысли становились все более и более мелкими и незаметными, пока, наконец, не исчезли совсем. Разум правителя стал чист и гладок, как озеро перед Парящей Башней ранним тихим утром. И тогда Посланник разлил свое сознание вокруг себя.

Ничем не сдерживаемое внутри земной оболочки, не скрученное вихрями мыслей или проблемами тела, не зажатое рамками привычек или необходимостью действий, сознание расширилось во все стороны на много, много километров, и Найл увидел окружающий мир таким, каким видят его привыкшие к ментальному восприятию смертоносцы.

Мертвенный мрак над головой, темные холодные скалы и серые силуэты деревьев. Теплые розовые искорки мелких глупых существ, ухитрившихся скрыться от голодных пауков, красные огоньки самих смертоносцев и алые точки от разумов людей. Даже отсюда, из предгорий было заметно зарево в стороне Дельты – там, где растет Великая Богиня. А вот со стороны вершин Северного Хайбада или вулканических озер, спрятавшихся среди Серых гор, тянулась темнота.

Мир ментального плана. Только побывав здесь, становилось понятно, почему пауки не делят предметы на живые и мертвые. Если человек привык считать себя, смертоносцев и жуков-бомбардиров существами разумными, прочих насе-

комых, рыб и животных глупыми, но обладающими сознанием, растения – живыми, но не имеющими сознания, а камни, песок, воду – мертвыми объектами, то пауки признавали имеющим разум все, что только существует под солнцем. Ведь оставить свой след в ментальном плане способен только разум. Если ушедшая в мир мысль ощутила присутствие камня – значит камень обязан обладать хотя бы крошечным сознанием.

Между холодным склоном горы и серыми зарослями леса вытянулась цепочка теплых огоньков. Не пылающих, а просто теплых – видно, действительно сильно устали. Сейчас Найл не боялся, что его могут услышать: ведь он не мыслил, он только воспринимал окружающую действительность – а потому правитель смело потянулся навстречу огонькам.

Они находились совсем рядом – без поддержки соединенного разума пауков Посланник мог расширять свое сознание от силы на день пути. Еще три-четыре часа, и отряд шерифа окажется совсем рядом. Сосредоточившись на огоньках разума, Найл даже смог понять, почему эти усталые воины так торопятся. Они рассчитывали на внезапность. Шериф надеялся, что захватившие город пришельцы никак не ожидают ночного нападения и будут плохо ориентироваться в незнакомом месте. Неожиданность и паника врага вполне смогут компенсировать усталость воинов.

На сосновый лес опускалась ночь.

Посланник ждал. Он растворился в пространстве вокруг

отряда северян. Он стал землей, по которой они шли, стал скалой, возвышающейся над их головами, стал воздухом, которым они дышали. Он стал ими самими. Он ощущал боль их мышц, тяжесть доспехов, потертости натруженных ног, страх за оставшихся в городе жен и детей, и усталость, огромную усталость, такую, что хотелось как можно скорее увидеть врага, вступить в бой и даже не победить, а просто умереть, разом избавившись от столь невыносимых мук.

Все ближе и ближе подходила колонна воинов к тому месту, где безмятежно отдыхали братья по плоти, пока в ночной тиши Посланник Богини не открыл глаза и не произнес одного короткого слова:

– Пора.

Подхлестнутые мысленным приказом очнулись от забытья смертоносцы и устремились вперед, к каменному отрогу, лихорадочно завершая плетение паутинной стены вокруг попавшихся в капкан врагов.

– Дравиг! – окликнул старого воина Найл, и отдал приказ незанятым в строительстве паукам выдвинуться к дороге и нанести по ней удар парализующей волей.

И почти в тот же миг со стороны гор слышалась тихая ругань северян, попавшихся в темноте в паутину. Под парализующими ударами ругань мгновенно оборвалась. Послышались частые щелчки стрел, вонзающихся в древесные стволы, обрубающих сучки. Посыпались перезревшие шишки. Одна из посланных наугад стрел зацепила-таки смерто-

носца по панцирю, не столько причинив боль, сколько испугав молодого паука. Прокатившаяся по ментальным контактам волна ненадолго сбила общий боевой настрой, и отряду шерифа удалось отступить от препятствия. Арбалетная стрельба прекратилась – смертоносцы тут же устремились в погоню за отступающим врагом, старательно испуская лучи ужаса и ловя ответные импульсы страха. Кое-кто из северян поддался панике и начал стрелять в темноту – пауки предпочли отступить, издав издав прислушиваясь к мыслям врагов.

Спустя полчаса северяне наткнулись на вторую стену из паутины, которую восьмиллапые успели возвести за их спиной. Как ни странно, они ощутили не испуг, а облегчение: идти больше некуда. Можно лечь на землю и отдохнуть.

– Э-э, нет, – забеспокоился Посланник, – отдохнувший противник нам ни к чему. Дравиг, пошевели их!

Смертоносцы, забираясь в сосновые кроны, вновь стали подкрадываться к врагам и накатывать на них волны ужаса. В ответ то и дело начинали лететь стрелы – пауки шарахались назад, потом снова подкрадывались и опять излучали страх. Ночные маневры прекратились только в предрассветных сумерках, когда стало ясно, что силуэты восьмиллапых на фоне неба вот-вот станут хорошо различимой целью.

Северяне забылись глубоким сном, больше похожим на потерю сознания, а Найл тем временем приказал поставить поперек отведенного противнику пространства новую стену, сокращая размер «загона» почти вдвое. Смертоносцы тру-

дились на виду северян, на расстоянии примерно в полтора арбалетных выстрела, но воины шерифа настолько вымотались, что уже не имели сил подняться на ноги и отогнать братьев по плоти.

– Посланник, – подошла к правителю Кавина и подергала его за край туники. Разреши мы перейдем через стену и повяжем их всех, пока спят?

– Нет, – покачал головой Найл. – Арбалетная стрела пробьет тебя насквозь, даже если ее выпустит очень усталый человек. Пусть лучше северяне попытаются переправиться через стену, а мы подождем здесь.

В том, что шериф способен прорваться сквозь паутину, Посланник был уверен абсолютно – слишком часто северяне воевали между собой в своих густых лесах, почти всегда в рядах их армий сражались пауки. Наверняка не один раз приходилось им штурмовать подобные заграждения. Вопрос состоял в том, сколько сил требовал подобный штурм. Что окажется проще – трем сотням воинов прорывать паутину, или двум тысячам смертоносцев ставить новые препятствия.

– Дравиг, – решил перестраховаться правитель, – поставь метрах в ста от первой стены еще одну, хорошо?

– Как прикажешь, Посланник.

– Нефтис! – закрутил Найл головой в поисках своей верной телохранительницы.

– Да, мой господин, – женщина была совсем неподалеку, сидела рядом с группой других братьев.

– Разбей озерных жителей на группы по три человека и расставь их вдоль стены метрах в ста от нее. Объясни, что они должны будут прикрывать пауков от стрел. Понятно?

– Да, мой господин.

– Попробуем устроить шерифу достойную встречу.

Первые мысли по планированию предстоящей схватки возникли у Найла на основе одного очень простого факта: в составе армии северян находились только арбалетчики.

Из знаний, которые вкачал ему в память компьютер Белой Башни, правитель знал, что у арбалета и лука нет особых преимуществ друг перед другом. Да, из арбалета легче попасть в цель и стреляет он заметно дальше лука. Зато лук в несколько раз легче, во много раз скорострельнее, а тренированный стрелок поражает из него цель ничуть не хуже арбалетчика. В старину обязанности между видами оружия распределялись так: тяжелыми арбалетными болтами отстреливались защитники городов и крепостей, а профессиональные воины ходили в походы с легкими колчанами за плечами.

Князь Граничный мог отказаться от столь практичного и удобного вооружения только по одной причине: в бою лучники попадали под удар парализующей воли еще до того, как успевали сделать первые выстрелы, а потому в схватках с пауками оказывались совершенно бесполезны. Видимо, полет арбалетной стрелы тоже находится где-то на пределе возможного – значит, пауки вполне могут побороться с северными стрелками. Особенно, если тем придется стрелять из-

за стены наугад.

Интересно, каким способом шериф попытается вырваться из ловушки?

Шевеление в стане врагов началось вскоре после полудня. Найл приказал всем немедленно занять исходные позиции. три десятка смертоносцев замерли неподалеку от стены под прикрытием плетеных щитов, остальные отступили за пределы досягаемости стрел. Серую массу пауков прикрывала редкая цепочка закованных в латы двуногих братьев по плоти. Сам Найл вместе с Нефтис и Дравигом выбрал позицию примерно посередине, рядом со старой дуплистой сосной, за которой в крайнем случае можно будет укрыться от обстрела.

По ту сторону стены слышались громкие равномерные стуки. Смертоносцы испустили первые импульсы страха, поймали отклики из-за стены и ударили парализующими лучами. Стуки смолкли. Прилетело несколько одиноких арбалетных стрел и бесшумно утонули в мягкой лесной подстилке, а через пару минут Найл заметил, как на сосну по ту сторону стены карабкается человек.

Арбалетчик! Собирается стрелять не наугад, а прицельно! Только этого не хватает.

– Внимание! – правитель вызвал на себя сознание всех тридцати передовых смертоносцев, ощутил как рывком расширяется сознание, и коротко выплеснул объединенную волю в смельчака, представив себе бессильно разжимающиеся

пальцы.

– А-а-а! – фигурка отделилась от кроны и ухнула вниз.

Посланник увидел немного в стороне еще одного стрелка и повторил импульс в его направлении. Стрелок громко выкрикнул какое-то ругательство и тоже рухнул вниз. Правда, второй арбалетчик не успел забраться высоко и наверняка остался жив.

Найл выжал немного, ожидая появления новых верхолазов. Желающих больше не нашлось, и правитель ослабил волю, предоставляя смертоносцам самостоятельность. Продолжавшийся все это время стук снова затих.

– Чем они там стучат все время? – пожал плечами Посланник. Не стену же рубят? Внезапно сквозь кроны прошелестело целое облако стрел, звонко зацокав по крепким стволам. Спустя несколько минут тишину развеял еще один обстрел, и тут же болезненно вскрикнул кто-то из людей – шальная стрела пробила тонкий щит и вонзилась озерному жителю в плечо.

– Пусть в тыл отойдет! – крикнул правитель, имея в виду раненого.

Опять послышался шелест – одиночная стрела бессильно ткнулась в щит Нефтис, еще одна чиркнула Найла по шлему. Зато рядом с раненым на этот раз вскрикнуло сразу несколько людей.

– Да ведь они на звук бьют! – догадался Посланник и громко закричал: – Молчите!

Очередная волна стрел сделала его совет бесполезным. Все четверо воинов – паук и трое озерных жителей – лежали без движений, истыканные толстыми и короткими арбалетными болтами.

Послышался треск – несколько сосновых вершин качнулось и плавно рухнули на белые паутинные стены, подмяв их своим весом чуть ли не на полметра.

– Так вот оно что... – прошептал Найл, берясь за копье двумя руками.

Вновь прошелестели стрелы, но на этот раз найти себе жертву им не удалось.

– Улла! – по перекинутым через стену стволам бежали, устрашающе вопя и размахивая мечами, северяне.

Найл, не раздумывая, бросился к стене, держа направление на ближайший ствол. К вершине этого дерева добежало пятеро воинов – но тут выяснилось, что все происходит не совсем так, как они ожидали: северяне остановились среди густых ветвей, начали подпрыгивать, глядя вниз. Вершина возвышалась метрах в десяти над землей и упорно не желала опускаться. Воины переглянулись, и повернули обратно. Внезапно последний из них поскользнулся, завалился на сторону и застрял в ветвях. Второй оглянулся, протянул руку.

Посланник оценил расстояние, замахнулся и метнул копье. Острие ударило северянина в грудь, но доспеха пробить не смогло. Воин отпустил своего товарища, перехватил оружие и с силой швырнул обратно в Найла – тот еле успел увер-

нуться. Тут же над ухом раздался резкий выдох. Бросок Неф-тис оказался более удачным – копьё насквозь прошло се-верянину бедро. Раненый взмахнул руками, теряя равнове-сие, ухнул вниз и, вопя от боли, повис на легшем поперек стволов древке.

Нефтис вскинула щит – Найл тут же ощутил удар в плечо и увидел, как в щите и в руке женщины образовалась малень-кая светлая дырочка. Отверстие тут же залило кровью, а те-лохранительница вскрикнула от боли. Щит опустился. Сто-ящий на стволе арбалетчик уже заваливался в толстую пау-тинную стену, изумленно выпучив глаза. Похоже, попал под парализующий удар. Найл оглянулся и замахал руками на набегающую массу братьев по плоти – серых смертоносцев и сверкающих доспехами людей:

– Назад! Немедленно назад!

Атакующая живая лавина стала притормаживать, но оста-новиться сразу не смогла.

Послышался зловещий шелест.

Правитель зажмурился, сжавшись в ожидании чужой бо-ли, и спустя мгновение стрелы ударили в живую плоть. Двухтысячная масса пауков в долю секунды из могучей ар-мии превратилась в страдающую единой мукой безвольную плоть.

Найл выдернул меч и развернулся к стене, готовясь к но-вой схватке.

Повисший на копьё северянин уже затих, не подавая при-

знаков жизни – только залившая тело кровь еще продолжала капать на землю. Возле него уже крутилось несколько крупных черных мух. Второй воин продолжал крутиться в ветвях: толстый изогнутый сук вошел ему под панцирь у затылка и вышел позади плеча, не давая бедолаге ни спрыгнуть вниз, ни выбраться обратно на ствол.

Прошла минута, другая. Очередная атака не началась, залпов из арбалетов тоже больше не повторялось. Посланник оглянулся и начал медленно пятиться. Раненая Нефтис шла следом, стараясь прикрыть его своим телом от возможных выстрелов.

Пауки уже смогли справиться с болью – раненые «зашорили» сознание, обрывая мысленный контакт, здоровые стряхивали с себя чужие эмоции и торопливо отступали на безопасное от стрел расстояние.

Когда стену и людей разделила полоса в две сотни метров, Найл с облегчением перевел дыхание и сел на усыпанный хвоей пенек.

– Вы целы, мой господин? – забеспокоилась Нефтис.

– Да, – кивнул Найл. – А как твоя рука?

– Не знаю...

Левое предплечье было неестественно выгнуто, но кисть продолжала крепко сжимать ремень щита.

– Ну-ка, разожми пальцы... – правитель осторожно стянул у нее с руки щит, потом осторожно ощупал место неестественного изгиба. Кажется, одна кость сломана.

Нефтис вытерпела всю процедуру, крепко стиснув зубы, а потом не к месту поинтересовалась:

– Скажите, мой господин, а зачем они на деревья полезли?

– Через стену перебраться хотели, – Найл жестом подозвал к себе одного из смертоносцев, – по стволу перебежать. Ты потерпишь пару дней, Нефтис? А то я сейчас не могу – вдруг опять атака начнется?..

– Не беспокойтесь, мой господин... – она болезненно прикусила губу, потом опять спросила: – Так почему тогда не перебежали?

– Позволь мне, Посланник, – откуда-то сбоку появилась Кавина. Она деловито отодвинула правителя в сторону, приняла из брюшка смертоносца немного паутины себе на ладонь и ловко замазала кровоточащую рану.

– Не рассчитали, – ответил-таки Найл на последний вопрос телохранительницы. Заметь, счет паукам в их войске идет на десятки, а нас здесь тысячи. Они просто не ожидали что стена паутины окажется такой ширины. Надеялись или оборвать паутину тяжелым стволом, или перебежать по нему, а потом опрокинуть, как качели. А не получилось ни того, ни другого. Придется им теперь выбирать или деревья потолще, или подпиливать их ближе к стене, что бы вершина точно по эту сторону на землю опустилась.

– И что нам тогда делать?

– Отдыхать, – усмехнулся Найл. – Ты сегодня и так сделала все, что могла.

– Я никуда вас не отпускаю, мой господин, – категорически заявила телохранительница и повернулась к Кавине: – Прилепи как-нибудь руку к панцирю, чтобы не мешала.

– А пока никуда не уйду, – приостановил активность стражницы Найл, поднялся на свой пенек и стал внимательно разглядывать землю перед стеной.

Как ни странно, но почти никто из смертоносцев, которых прикрывали подданные Магини, не пострадал. Они продолжали оставаться на своих местах, а озерные жители, никогда не отличавшиеся излишней отвагой, продолжали закрывать их щитами. На стене лежало пять стволов. Возле крайнего – того самого, у которого сражался сам правитель – мелко трепыхалась стена. Очевидно, упавший в тенета арбалетчик еще продолжал сражаться за свою жизнь. Кроме того, мертвое тело висело на продевшем сквозь бедро копье, а еще один неудачник продолжал крутиться на суку. Под вторым стволом лежало два тела северян, под третьим и четвертым не осталось никого, а у последнего распластались два озерных жителя, северянин, да колыхания стены выдавали существование еще как минимум двух жертв. Получалось, отряд шерифа из трех сотен человек потерял около десятка воинов. Армия Найла лишилась пяти союзников и одного смертоносца. Шальные стрелы легко ранили еще девять братьев по плоти, семерых пауков и двух людей. Похоже, стычка не дала пока никаких преимуществ ни одной из сторон.

– Посланник, – прозвучал в сознании правителя призыв

Дравига. — Мне кажется, боевые пауки северян хотят установить с нами контакт.

— Ответь им, — сразу заинтересовался Найл.

— Они предлагают тебе переговорить с шерифом, — спустя несколько мгновений сообщил старый смертоносец.

— Давай, — согласился Посланник, и почти сразу явственно услышал немного хриловатый, усталый голос: — Меня зовут шериф Поруз, я наместник Приозерья именем князя Граничного, Санского и Тошского, человека, повелителя Серебряного Озера, Северного Хайбада, Чистых Земель и Южных Песков. Кто вы, чужеземцы, посмевшие посягнуть на владения моего господина?

— Мое имя Найл, — ответил правитель, — еще меня называют Посланником Богини и Смертоносцем-Повелителем. Должен сказать, Южные Пески и Серебряное Озеро, которые ты по недоразумению вставил в титул своего князя, являются моей родиной.

— Я готов принять твои извинения, человек Найл, — игнорировал шериф последнюю реплику правителя, — и если ты немедленно сдашься на милость князя Граничного, то я готов гарантировать жизнь тебе и твоим воинам.

— Хорошо, я подумаю, — кивнул Найл и оборвал мысленный контакт.

«Итак, обе армии почти не понесли потерь, — задумался он, усаживаясь обратно на пень. Что же заставило шерифа вступить в переговоры?»

– Извини, Посланник, – на этот раз Дравиг не ограничился мысленным вызовом, а самолично приблизился к правителю. Шериф хочет знать, как долго ты собираешься думать?

– Ответь, что недолго, – кивнул Найл. – Недели две, максимум три.

– Прости, Посланник, – с некоторым опасением уточнил смертоносец, – ты действительно собираешься сдаться в плен?

– Ну, – рассмеялся Найл, – если после двух недель без пищи и воды кто-то из армии шерифа еще сможет повторить это предложение, то я действительно готов подумать.

Можно сколько угодно считать, будто пауки начисто лишены чувства юмора, однако Дравиг заметно оживился и, ведя мысленные переговоры, даже время от времени начал шевелить хелицерами.

– Извини, Посланник, – опять обратился он к правителю. Шериф предлагает не проливать лишней крови, а решить исход боя в схватке один на один. Если ты побеждаешь, он прикажет воинам отпустить всех нас назад в пустыню, а если проиграешь, то все мы станем его пленниками.

– Ответь, что сражаться один на один со столь знатным господином слишком большая честь для меня, – ухмыльнулся Найл. – Я готов покорно довериться судьбе, и подождать по эту сторону стены, чем кончится наше противостояние. Ждать хоть целый месяц...

– А теперь он предлагает не тянуть время, а поступить,

как подобает настоящим воинам: выйти в чистое поле и сразиться сила на силу...

— Ну да, — кивнул Посланник, — сперва они дадут прицельный залп из арбалетов, а потом, когда смертоносцы свалятся от болевого шока, втопчут нас всех кованными сандалиями...

Правитель на миг запнулся, и радостно вскочил:

— Я понял! Я все понял! У них просто-напросто нет больше стрел! Они не могли носить с собой бесконечное количество! Сперва они всю ночь пускали стрелы наугад, отгоняя смертоносцев, потом, прикрывая штурм стены, опять стреляли наугад. Штурм не удался, а арбалетных болтов осталось по одному-два на стрелка. Хватит, чтобы дать залп в чистом поле, но никак не хватит, чтобы отогнать нас от стены перед новым штурмом! Вот и все!

Найл резко выдохнул, и сел обратно:

— Отвечай ему, Дравиг. Скажи, пусть точит стрелы. Пусть точит много стрел, ибо близится время повелителей ночи, время мрака и страхов. И тот, кому не хватит стрел на эту долгую ночь, проснется уже не в этом мире, а в далеком Счастливом Крае, в котором никто и никогда не станет делить земли на свои и чужие. Скажи ему, Дравиг, что сейчас не время говорить о чести воина, потому что воины бывают только живыми, а ночь длинна...

На этот раз пауза затянулась надолго. Прошло не меньше часа, прежде чем седой смертоносец передал от шерифа но-

вое сообщение:

– Он спрашивает, захватил ли ты княжну Ямиссу, дочь князя Граничного?

– Да, – кивнул Найл.

– Он говорит, что готов сдаться на твою милость, если ты отпустишь всех остальных воинов с оружием в земли князя.

– Передай ему, Дравиг, – устало вздохнул Посланник, – пусть тот, кто желает остаться жить, снимает с себя все оружие и доспехи, и выходит к нам по крайнему стволу. Остальные могут ждать ночи.

И опять ответа пришлось ждать около часа.

– Шериф спрашивает, Посланник, даешь ли ты клятву в том, что всем воинам будет сохранена жизнь, а членам их семей честь и свобода?

– Что означает «честь и свобода»?

– Они просят, чтобы их жен и детей не продавали в рабство и не отдавали никому в услужение.

– Хорошо, – кивнул Найл. – Я обещаю жизнь воинам, а членам их семей честь и свободу.

– Они сдаются тебе, Посланник, – подвел итог переговоров паук. Сейчас они разденутся и будут выходить по одному.

– Тогда расставь смертоносцев по окружности возле крайнего ствола и пусть пауки будут готовы немедленно нанести парализующий удар. Правитель озабоченно покачал головой. Что-то больно легко они отдались на нашу милость.

Это при их-то кровавых нравах...

Поначалу Найл подозревал за шерифом некую хитрую ловушку, тайный план, с помощью которого северяне попытаются если не победить, то по крайней мере вырваться на волю и скрыться. Он стоял рядом со спущенной с крайнего дерева паутиной и тщательно прощупывал сознание каждого выходящего воина, которому пауки немедленно склеивали руки за спиной. Вскоре правитель понял, что никакого тайного плана нет.

Все пленники оказались опытными бойцами, прекрасно понимающими безнадёжность своего положения – остаться без стрел против огромного количества восьмилпых врагов. Конечно, они могли с честью погибнуть – но при этом на милость победителя оставались их семьи, их дети, жены, матери. По обычаям северных народов их вполне могли продать куда-то в чужие земли, превратить в бессловесный скот или просто зарезать за ненадобностью. Договорившись о сдаче в плен, воины не столько спасали свои жизни, сколько обеспечивали безопасность своим близким.

Разумеется, побежденных могли и обмануть – но в подобных обстоятельствах вырванная у более сильного врага клятва приносила больше пользы, нежели бессмысленная смерть.

Немного успокоившись, Посланник оставил свой пост у белой стены и направился к Нефтис.

– Вот видишь, никуда я от тебя не ушел, – улыбнулся он, и указал на пораненную руку: – Не везет тебе со мной. В метро

бедро разбила, в Серых горах ногу сломала, в Приозерье руку перебила. Не хочешь поселиться в тихом спокойном месте?

– Только вместе с вами, мой господин, – парировала телохранительница.

– Тогда ложись, – приказал правитель.

К счастью, Кавина не успела прилепить раненную руку к панцирю. Нефтис опустилась на мягкую лесную подстилку, отвела поврежденную конечность в сторону и отвернулась. Найл встал рядом на колени, положил ладони на еще чистую повязку и закрыл глаза, успокаивая дыхание. Спустя пятнадцать минут он устало откинулся на спину, и тяжело перевел дыхание.

– Все, можешь снимать. И найди, пожалуйста, мне чего-нибудь поесть.

– У меня остался кусок вареного мяса, – предложила внимательно наблюдавшая за процессом излечения Кавина. – Скажи, Посланник, а как ты это делаешь?

Стражница отодрала край наложенной на руку паутины и чулком стянула ее с руки. На месте недавней раны розовела глянцевая молодая кожа. Нефтис несколько раз сжала и разжала пальцы, и грустно причмокнула:

– Жалко, шрама не останется.

– Почему жалко? – удивился правитель.

– На память, – пожала плечами женщина.

– Посланник, – опять обратила на себя внимание Кави-

на. — Как ты это делаешь? Научи меня. Научить? — Найл удивленно приподнял брови.

— Да, — кивнула Кавина. — Помнишь, как ты в Комплексе Мага целый месяц раненых лечил? Здесь тоже пострадавших много. Исцелять вдвоем бы было намного легче и быстрее.

— Не знаю, — зачесал голову Найл. — Мне как-то в голову не приходило, что можно кого-то этому научить. Попробуем. Давай мясо.

Излечение раненых или больных происходило быстро, но отнимало огромное количество сил, и Найл испытывал зверский голод. Пожалуй, ему приходилось потреблять столько же пищи, сколько съел бы раненый за все то время, пока выздоравливал сам.

Расправившись с вареным мясом, Посланник вместе с Кавиной отправился в импровизированный лазарет, организованный братьями на небольшой полянке, окруженной раскидистым орешником.

Как с облегчением понял Найл, тяжело раненых не оказалось вовсе. Упавшие на излете стрелы хотя и пробили хитиновые покровы пауков, но войти глубоко в тело не смогли. Толстые древки арбалетных болтов торчали из спин, лап, из брюшек смертоносцев, причиняя боль, но сами пострадавшие не проявляли беспокойства и терпеливо грелись на солнышке. Среди них, привалившись спина к спине, сидели две девушки, одной из которых стрела вошла в мясистую часть бедра и, похоже, уперлась в кость; у другой древко торчало

рядом с шеей, ухитрившись впиться точно в вырез панциря.

– Начнем с пауков, – сказал правитель, – с ними проще.

Тела смертоносцев заключены в жесткий наружный скелет, из которого выступают хелицеры, восемь подвижных лап и мягкое брюшко. Внутренние органы раз и навсегда закреплены на своих местах. Застрявшие внутри стрелы, причинив вред однажды, в дальнейшем не причиняли никакого беспокойства. Найл обычно их даже не выдергивал, чтобы не причинять лишнего вреда. С людьми все иначе. Их тела гибки, мышцы, кости, внутренние органы постоянно перемещаются относительно друг друга, и любой посторонний предмет постоянно причиняет боль. Из человеческого тела стрелы или наконечники копий приходится выдергивать или вырезать, причиняя лишние муки пострадавшему.

– Вот, смотри, – Посланник указал на спину ближнего паука, из самого центра которой выглядывала деревяшка размером с большой палец руки. Рана медленно сочилась синеватой слизью. Я вылечу этого, а ты возмись за соседнего.

Соседний смертоносец тоже имел рану в спине, только ближе к голове.

– Подойди к нему как можно ближе, – Найл протиснулся между лап к самому телу паука, – положи руки на рану. Теперь закрой глаза. Дыши. Правильно дышать – это самое главное. С каждым вдохом в нас приходит новая, чистая энергия. С каждым выдохом ее часть нас покидает. Почувствуй, как она входит в тебя, как сматывается чуть ниже гру-

ди в сверкающий серебряный клубок. Вдох – и еще немного нити намоталось в твоём животе. Выдох – клубок немного размотался. Вдох – он стал чуть-чуть побольше. Выдох – поменьше. Ты должна ощутить движение нити, только тогда ты сможешь подчинить её себе, направить туда, куда пожелаешь. Заставь её выходить не через ноздри, а через руки, позволь ей стекать через них, как прохладному ручейку. Пусть она тихонько струится в рану, заполняет её, оживляет эту часть тела... Вот! Посланник вскинул руки. Древко стрелы прочно вросло в ворсистый хитиновый панцирь, и только влажный след от слизи доказывал, что совсем недавно здесь была открытая рана.

– Торчащий кончик можно потом срезать. А можно оставить, как есть. Ну как?

– Не получилось, – вздохнула Кавина.

– Интересно, куда Нефтис пропала? – оглянулся Найл. – Есть хочется...

У следующего восьмипалого стрела торчала из верхнего сустава ноги. Здесь она могла ему помешать.

– Зашорь сознание, – приказал правитель, взялся за стрелу и сильным рывком выдернул её. Смертоносец болезненно дернул лапой. Уже все, все позади...

Закончив исцеление паука, Найл просто-напросто заснул от усталости прямо на траве, куда присел чуть-чуть отдохнуть. В себя его привел запах жаркого. Солнце уже почти касалось горных вершин на западе, подкрашивая в розовый

цвет бока набежавших на небо облаков.

Кавина упрямо продолжала колдовать над раненым пауком – смертоносец покорно ждал результата. Посреди полянки пылал костер, рядом с ним сидела на корточках Неф蒂斯 и жарила над огнем крупную муху.

– Сейчас будет готово, мой господин, – предупредила она, заметив движение правителя. Совсем немного. Северяне все вышли, Дравиг их вдоль стены посадил. Наши девушки ушли за теми смертоносцами, что вчера погибли. Обещали скоро вернуться.

Подкрепив свои силы мушиной грудкой, Найл довольно быстро избавил от мелких ран двух пауков, потом вернулся и доел не успевшее остыть, слегка подгоревшее над огнем брюшко, когда вдруг послышался истошный вопль Кавины:

– Получилось!!!

– Что? – едва не подавился Найл и кинулся к ней.

– Получилось! Я залечила ему рану! – указала девушка на вросшую в спину паука стрелу. Я смогла!

– Молодец. Давай тогда попробуем вылечить двух последних. Угу, – Кавина мгновенно приобрела серьезность и даже прикусила губу. Сейчас попробуем.

На этот раз произвести исцеление она смогла почти так же быстро как и правитель, вот только восторга на этот раз девушка не выражала, тяжело дыша и покачиваясь от усталости.

– Пару часов отдохнем, – предложил Найл, хорошо пони-

мая ее состояние. К тому же, лечить людей легче в темноте.

Они разделили пополам еще одну крупную черную муху, неторопливо поели, прилегли под охраной Нефтис на мягкий слой сухой листвы и выцветших сосновых иголок, и мгновенно утонули в глубоком сне. Найлу показалось, что прошло всего лишь несколько мгновений, как Кавина начала толкать его в бок:

– Посланник, Посланник, уже стемнело. Ребята костры единения разжигают. Мы не успеем.

– Успеем, – правитель стряхнул дремоту и решительно поднялся на ноги. Пойдем.

Раненые девушки, увидев что пришла и их очередь, облегченно зашевелились, морщась от боли.

– Посмотри на них, Кавина. Что ты видишь?

– Ну, Третию вижу. И Каллу.

– Не туда смотришь, – вздохнул правитель. Понимаешь, тело человека, как и тело смертоносца, тоже заключено в панцирь. Только у паука этот панцирь хитиновый, а у нас – энергетический.

– То есть, у восьмилапых этого энергетического панциря нет вообще?

– Да.

– А почему?

– Ты никогда не замечала, Кавина, – покачал головой Найл, – что пауки потребляют примерно в пятьдесят раз меньше пищи, чем люди? Разумеется, когда мы находимся

в походе и тратим одинаковое количество сил, то и еды нам нужно примерно одинаково. Но когда мы отдыхаем на стоянке, то двуногим воинам нужно есть каждый день, а восьмилапые могут безболезненно голодать почти целый год. Разница как раз в том, что люди постоянно поддерживают у себя этот самый энергетический щит, а смертоносцы обходятся без него. Теперь давай не отвлекаться, а заниматься учением.

– А зачем нужен этот энергетический панцирь?

– Честно говоря, не знаю, – пожал плечами Посланник. Возможно раньше, когда люди много пользовались электричеством, теле-и радиоприемниками и передатчиками, телефонами, компьютерами этот энергетический кокон защищал их от вредных излучений. А может быть, для чего-то еще. Наверное, пока мы просто не сталкивались с теми опасностями, от которых он может нас спасти. Перестань отвлекаться. Сейчас для тебя главное не узнать, для чего нужен энергетический щит, а увидеть его. Вообще-то энергетический кокон вокруг человеческого тела виден всегда, но мы настолько привыкли не обращать на него внимания, что просто не замечаем. Постарайся переступить через привычное «незамечание» и увидеть ауру Каллы.

Кавина мужественно вперилась девушке в ногу и так напрыглась, словно собиралась взглядом поднять подругу в воздух. Даже дышать от натуги перестала...

– Не получается!

– А тут сила не нужна, – покачал головой Найл. – Ты долж-

на почувствовать ауру, только тогда ее можно различить.

– Но как?

– Попробуй руками. Это видеть нам удастся только глазами, а чувствовать может любая клеточка тела.

Кавина растопырила пальцы и повернула ладони в сторону раненной.

– Нет, – тяжело вздохнул Найл. – Все это делается иначе. Для начала постарайся осознать энергетический клубок внутри себя, вспомни это ощущение. Теперь согрей ладони... Ну, потри их хорошенько друг о друга, чтобы стали горячими. А теперь пропусти немного энергии через обе руки, выпусти ее наружу между ладонями... Ты чувствуешь? Ты чувствуешь ее присутствие? Небольшой, мягкий энергетический шарик?

– Да, – прошептала девушка.

– Это она. Та самая энергия, которую не желают замечать твои глаза. Запомни свои ощущения. Теперь перейди к Калле, медленно опускай руки ей на живот, пока не ощутишь энергетический кокон. Попробуй.

Кавина вскинула руки на высоту чуть ли не в полметра над своей пострадавшей соратницей и стала их медленно опускать. Остановились ладони примерно в пяти сантиметрах над телом.

– Я чувствую, – Кавина облизнула почему-то пересохшие губы.

– Теперь следи за состоянием ауры и веди руками к ноге.

Руки девушки медленно двинулись вниз. Рядом с раной они остановились.

– Она пропадает! – испуганно повернула голову Кавина.

– Так и должно быть, – кивнул Найл. – Стрела ранила не только тело, но и разорвала энергетический щит. Когда лечишь человека, мало залить энергией рану. Ты должна восстановить ауру, заровнять ее, добиться оживления в ней энергетических потоков. Понятно? Сосредоточься, подумай. Не выдергивай стрелу, пока не будешь готова действовать. Итак, во имя Великой Богини, давай.

Кавина несколько минут не шевелилась, потом взялась за торчащее из ноги древко, с совершенно ненужной силой вырвала его, заставив раненую громко вскрикнуть, и вознесла ладони над раной, откинув голову назад, зажмурившись и крепко стиснув зубы.

Судя по тому, что кровь из раны не потекла, лечение началось успешно. Найл кивнул и повернулся к Тритии.

– Потерпи, – кивнул он, берясь за древко стрелы. Сейчас будет немного больно, зато потом ты выздоровеешь.

К удивлению правителя, Кавина справилась со своей больной даже раньше, нежели он сам. Удачное излечение подруги наполнило ее такой радостью, что даже аура заметно пожелтела. Однако к тому моменту, когда Найл освободился, она уже успела справиться с детским восторгом по поводу своего мастерства и напустила серьезный, сосредоточенный вид:

– А вот скажи, Посланник, – демонстрируя наблюдательность, поинтересовалась она, – почему это человеческая кровь красная, а кровь смертоносцев – голубая?

– Потому, что... – Найл запнулся. Безусловно, он мог сообщить, что основой кислородного обмена в человеческом организме являются атомы железа, а в паучьем – атомы меди. Но что поймет из этого маленькая дикарка, которая знала железо только в виде ножа и меча, а медь – только в виде тонких чеканных тарелок. И как ей объяснить, что такое кислород? Поэтому Посланник закончил фразу совсем не так, как собирался:

– Потому, что мы разные. Но ты знаешь, в истории человечества есть забавный момент.

Раньше, в те времена, когда на земле не существовало никаких разумных тварей кроме людей, двуногие были абсолютно уверены, что рано или поздно ими начнут править существа с голубой кровью. Они даже приписывали этот цвет крови своим королям и дворянам.

– Ты хочешь сказать, Посланник, – забеспокоилась девушка, – рано или поздно восьмиллапые станут нашими правителями?

– В мире нет ничего постоянного, Кавина. В древности этими землями правили люди. В недавнем прошлом на ней царили пауки. Теперь, когда мы стали братьями, она принадлежит нам всем. Пойдем к кострам. Мне кажется, там ждут только нас.

Война за Приозерье закончилась. Северяне со связанными за спиной руками сидели вдоль белой паутиной стены, в их городе стоял гарнизон под руководством Навула. Ущелье, ведущее во владения князя Граничного, отныне оказалось надежно перекрыто. Чтобы признать битву законченной, недоставало последнего, самого печального – выполнить свой долг перед павшими.

Подданные Магини унесли погибших друзей подальше в сторонку, залили их рты водой и теперь негромко пели монотонные молитвы, тщательно перевязывая павшим руки и ноги. Братья с опаской поглядывали на подобное надругательство над воинами, но в чужие обычаи не вмешивались. Сейчас их внимание занимали друзья, ушедшие в Счастливый Край. Братья по плоти никогда не позволяли сжигать своих товарищей, как никчемный мусор, как это нередко практиковалось во времена Смертоносца-Повелителя. Они никогда не закапывали павших в землю, словно кухонные отбросы, как всегда поступали дикари пустыни. Они не выбрасывали мертвых гнить в озеро, подобно подпорченным объедкам, как это делали обитатели подземного города Дира. Нет, любой, ставший братом по плоти оставался в братстве навсегда. Он оставался в братстве живым или мертвым, продолжая путешествовать вместе с воинами, вместе с ними радоваться, грустить и сражаться. Достигалась это таинство единственно возможным способом – плоть павших расходилась среди живых. Люди принимали в себя плоть погибших смертоносцев,

а пауки – погибших людей. Именно этот обряд стал основой братства двух ранее враждовавших родов. Теперь, глядя на двуногих соратников, пауки видели не только людей, но и плоть своих друзей и родичей, растворившуюся в покрытых мягкой кожей телах. Так же и люди, глядя на восьмилапых, признавали в них частицу своих близких.

Ждали, действительно, только правителя и его ученицу. Стоило Найлу подойти к костру и сесть в нескольких шагах от пламени, как перед ним опустилась на колени Нефтис. Тарелок, естественно, не имелось, и ломтики мяса лежали на круглом щите с аккуратной дырочкой, оставшейся от арбалетного болта.

Одиннадцать белых полосок. Частицы одиннадцати погибших воинов. Тех, кто вместе с ним плыл на корабле, освобождал город Смертоносца-Повелителя, шел через жаркие бескрайние пески. Кто ставил вот эту стену или те, кто ушел вперед, чтобы предупредить своих соратников об опасности и заплатил за это жизнью. Найл взял один из ломтей и в который раз спросил себя – а правильно ли он поступает, глотая это мясо, которое совсем недавно было телом его друга и соратника?

Посланник закрыл глаза и попытался представить себя мертвым. Холодное безвольное тело, зарытое в землю или брошенное в море. Повсюду расплзаются трупные пятна, гнилостные газы вспучивают кожу. Мышцы превращаются в слизь и гной... Он невольно потрянул головой. Может быть,

огонь? Пламя облизывает тело, скручивает волосы, заставляет вскипать кровь, корчатся от жара руки и ноги – и вскоре на месте кострища остаются только пепел, зола. Грязь и пыль... Нет, Рион, первым сделавший свой выбор, был совершенно прав. Уж лучше стать частицей мудрого Шабра, опытного Дравига и многих, многих других смертоносцев, готовых сейчас отдать свою жизнь ради него.

– Что с вами, мой господин? – забеспокоилась Неф蒂斯.

– Лучше бы я умер от голода, – искренне ответил Найл и один за другим принял со щита ломти. Стать частицей Посланника Богини, его плотью и кровью счел бы для себя почетным любой смертоносец, и правитель был просто обязан оказать павшим в бою подобную честь.

А потом хлынул дождь. Плотный, тяжелый, он быстро погасил костры, укутав мир в непроницаемый мрак, и долго продолжал стучать по ветвям и стволам деревьев, по гулким доспехам людей и холодным спинам пауков, шелестел в лесной подстилке, хлюпал в ямках, журчал между корней, чавкал под ногами.

Со стороны озерных жителей слышались восторженные крики, и продолжали раздаваться всю ночь. Возможно, Великая Богиня прислала этот ливень именно для них.

Дождь продолжался до рассвета и оборвался так же резко, как начался. В ярких солнечных лучах капли на стволах, ветвях и иголках засверкали всеми цветами радуги, словно некий властитель просыпал на лес свою сокровищницу.

Терпкий смолистый аромат густо смешивался с жарким паром, исходившим из-под ног. Земля не обжигала, но путникам казалось, будто они оказались на крышке огромной кипящей кастрюли.

Как ни странно, пленники совершенно посинели от холода. Найл ожидал, что северяне должны переносить ночную прохладу куда лучше уроженцев пустыни – но на деле у них у всех зуб на зуб не попадал, хотя братья чувствовали себя великолепно. А может, разница заключалась лишь в том, что воины сидели со связанными за спиной руками, а братья держали в руках оружие.

Смертоносцы с первыми же утренними лучами принялись пожирать белую, облепленную старой листвой и иголками стену. Найлу не раз приходилось наблюдать, как паук быстро втягивает обратно в себя только что выпущенную свежую нить, но чаще старую паутину восьмилапые все-таки съедали, экономя энергию для сознания новой. Дело продвигалось так же быстро, как при строительстве, и правитель не стал торопить армию с выступлением, давая восьмилапым закончить начатое дело. Двухногие бойцы уже упаковывали трофеи. Даже с учетом оружия, которое предстояло отдать Магине, в распоряжении Посланника впервые появилось больше вооружения, нежели людей, отчего правитель ощущал себя в великолепном расположении духа.

Найл прошел вдоль пленников, остановился рядом с одним из них – с короткой седой бородой, густыми, подстри-

женными на уровне ушей волосами. Кожаная туника северянина была широко расшнурована на груди, из-под нее проглядывал край расшитой красными и зелеными нитями рубахи. На шее воина краснел широкий застарелый шрам, еще один, но узкий и белый, пересекал нос и край щеки. – Так вот ты каков, шериф... Пленник, неуклюже помогая себя связанными за спиной руками, встал. Скажи, шериф, в твоём отряде было четыре паука. Где они?

– Квараки чен, тумило, – извиняющимся тоном ответил шериф.

Правитель испытал странное раздвоенное состояние: с одной стороны, он установил прочный мысленный контакт с сознанием собеседника, понимал его эмоции и желания. С другой – не понимал смысла произнесенных слов и не мог достаточно четко сформулировать вопрос. При этом Найл ощущал желание пленника не раздражать победителей, подробно объяснить все, что те хотят знать, но... северянин не понимал, о чем идет речь.

– Куда пропали смертоносцы из вашего отряда? – четко и раздельно повторил Посланник. – Где они? – На этот раз он подкрепил вопрос образом крупного паука.

Шериф покосился на маячившего неподалеку смертоносца и пожал плечами.

– Не знаешь? Или опять не понял?

– Квараки чен, тумило, – с сожалением повторил пленник.

– Дравиг! – устав ломать голову, попросил правитель.

Спроси его, куда смертоносцы из их отряда делись?

– Лушмо! – северянин махнул рукой в сторону гор.

– Сбежали, – перевел старый паук.

– Вот это да!

Удивление Посланника вызвало не бегство боевых смертоносцев – ведь это только людей можно было прижать к горам, пауки по любым вертикальным склонам бегают так же легко, как и по земле. Изумление вызвал образ, промелькнувший в сознании собеседника. Это оказалось нечто вроде короткого уничижительно-мелкого «банг!», словно вздулся и лопнул на луже водяной пузырь.

– Спроси, а как давно северяне живут в Приозерье?

– Несколько поколений, – перевел ответ Дравиг.

Сам Найл поймал образ огромной, темной ели, стремительно отодвигающейся в сторону.

– Когда они ели последний раз?

– Вчера перед боем.

В сознании шерифа появилась стена и остро засосало в желудке.

Вот теперь-то Посланник впервые начал понимать, почему паукам так трудно овладеть искусством разговора с людьми. Сам-то он раньше общался лишь с теми двуногими, кто и так понимал его язык, и думал что возникающие в сознании образы и речь – это одно и то же. Как пауку «выстреливаешь» мысленную картинку, так и человеку передаешь ее на словах. Оказывается, не тут-то было. Во-первых, мно-

гие слова имеют разный смысл, но очень близкий образ. Так, слова типа: «сбежали, сгинули, потерялись, пустяки, мелочь, забылось, не обращайтесь внимания» имели очень сходный образ того самого «банг!». Во-вторых, смысл тех же самых слов мог кардинально меняться от ситуации. «Сбежать» можно и от выполнения приказа, и из-под надзора, и по поручению, и просто скрыться из виду, и от врага. В-третьих, многие привычные каждому человеку слова вообще не имеют достаточно внятного образа. Например – «несколько». Или – «скоро». Мало того, при словесном общении мысленные образы очень часто вообще не относятся к смыслу произносимой фразы. Так, говоря «поели вчера» шериф думал о том, как голоден сейчас. Ведя мысленный разговор следовало, естественно, отделять образы произносимых фраз от невольных ментальных форм.

– Ну-ка, дай я сам попробую, – решил Найл и обратился к шерифу: – Сколько тебе лет?

Задавая вопрос, правитель попытался сформировать в сознании северянина образ маленького мальчика, потом более крупного, потом совсем взрослого.

– Три мальчика и две девочки, – с оттенком ехидства перевел ответ Дравиг. – Старшая уже совсем взрослая, нашла себе молодого мужчину и вот-вот родит, – о таких понятиях как «муж и жена» старый смертоносец, естественно, не имел ни малейшего понятия.

Самым поразительным в разговоре оставалось то, что по-

таенные мысли шерифа Посланник все-таки понимал!

Вот сейчас северянин радовался разговору потому, что убивать врага, с которым завязалась беседа, труднее, чем незнакомого. Возникает отношение к пленнику не как к абстрактной добыче, а как к полноценному человеку. Значит, опасность для сдавшихся стала хоть ненамного, но меньше.

– Как зовут твою жену? – Найл нарисовал образ дородной тетki с большими округлыми глазами.

– Тарами коулен.

– А?

– Он ответил, что никогда не видел этой женщины.

И опять – правитель четко уловил опасение шерифа о том, что у пришельцев пропала эта дама, и они явились в Приозерье ее искать.

– Ты все делаешь правильно, Посланник, – попытался утешить правителя старый смертоносец. – Просто те мысли, которые люди произносят, они формулируют намного хуже тех, которые утаивают. Тебе нужно просто «прислушиваться» к разговорам тех, чья речь тебе непонятна, и ты быстро научишься отделять одно от другого.

– Ладно, – кивнул Найл. – Займемся этим потом. А теперь давайте двигаться к городу.

Как обращаться с двуногими рабами многие смертоносцы еще не забыли – под жесткими волевыми ударами пленники поднялись, вытянулись в длинную колонну и двинулись в путь. Следом за ними, сгибаясь под тяжестью трофеев, ша-

гали озерные жители и братья по плоти.

* * *

Задолго до города Посланника поразила гнетущая тишина и страх, буквально разогнавший все живое в ближайшей округе. Больше всего это напоминало дыхание злого божка, навроде тех, что подбрасывала Магиня в минуты опасности. Смертоносцы, разумеется, почувствовали неладное еще раньше и Дравиг выслал вперед отряд в две сотни пауков.

– Все смерти ждут, – спустя полчаса сообщил старый смертоносец. – Те, что в городе – своей, а те, которые в лесу прячутся – чужой.

– В лесу? – насторожился Найл. – Может, засада?

– Нет, – уточнил Дравиг. – Боятся слишком сильно. Они все на лодках, не поймает.

– Рыбаки что ли? – еще больше удивился правитель. Почему к селению не возвращаются? Ведь наверняка за близких беспокоятся! Сражений не происходит, стражи нет. Чего боятся?

Оказывается, стража была. Навул, на попечении которого оставалось покоренное селение, во избежание возможных нападений извне или бунтов внутри приказал разогнать жителей по домам, заклеить окна и двери паутиной, а после вывел всех пауков и воинов на стены – ждать вражеского штурма. Запертые женщины, прижимая к себе детей, в ужасе жда-

ли, что их всех живьем спалят вместе с городом – в войнах по ту сторону хребтов Северного Хайбада подобное случилось. В той же уверенности пребывали и затаившиеся в ближайших лесных протоках рыбаки – но смелости атаковать крепость с голыми руками у них не хватало. Противостояние продолжалось третий день, и в ментальном плане пространство вокруг Приозерья напоминало застарелый могильник.

Правитель мысленно выругался, но винить следовало только себя – а чего еще следовало ожидать от мальчишки одиннадцати месяцев от роду? Нефтис нужно было в городе оставлять. Она несколько лет во дворце Посланника Богини стражей командовала, имеет понятие когда жесткость применить, а когда сделать вид, что не замечаешь явных нарушений. Нефтис, да Сидония, командовавшая охраной Смертоносца-Повелителя – вот и все опытные руководители, которые уцелели рядом с ним с тех давних времен. Остальные по молодости так и норовят то палку перегнуть, то серьезное дело превратить в забаву.

Походная колонна наконец-то достигла городских стен. Пленных пауки заставили сесть около стены, доспехи и оружие свалили на тропинку, уходящую от ворот к редкому светло-зеленому орешнику.

– Все! – крикнул Посланник, высматривая между на точенными остриями частокола лицо Навула. – Опасности больше нет. Открывайте ворота и выпускайте жителей из домов.

Однако, прежде чем заскрипели темные тяжелые створки городских ворот, с площадки над ними скользнула серая тень и опустилась перед Посланником на траву. На этот раз Магиня не поднимала капюшона – она выглядела грустной женщиной лет сорока с золотистыми, чуть тронутыми седой волосами. В ушах висели серьги – маленькие бриллиантовые звездочки, под которыми алела рубиновая капелька.

При виде этих простеньких, но до боли знакомых украшений правитель ощутил, как сердце кольнуло острой рыбьей костью.

– Вот и все, Найл, – кивнула она. В следующий раз мы увидимся только через полтора года.

– Ты же говорила «год»?

– Извини, Найл, – покачала она головой, – мне очень хочется забыть все, что будет происходить с тобой в течение этого года.

– Все-таки «года»?

Мерлью улыбнулась, но не ответила. Встала рядом с правителем, склонив голову набок, посмотрела на груди трофеев.

– Скажи, Найл, ты веришь в везение?

– Ты это о чем?

– Очень мне не хочется здесь сейчас дележ устраивать. Давай так: все, что свалено справа от тропинки – твое; а то, что слева – мое. А уж что в кучах – кому как повезет. Согласен?

– На чем же ты все это повезешь? – не стал спорить правитель.

– Мне-то как раз проще всего, – покосилась на него Мерлю светло-голубыми глазами, и на молодого человека явственно дохнуло ее любимым можжевельным ароматом. Сложу лишнее в глубоком омутке, потом заберу. А вот ты как?

– Тут вокруг рыбаки за кустами прячутся. По обычаям северяян, захваченный город отдается на четыре дня на разграбление. Вот и ждут – уже обошлось, или еще опасно? Скоро приплывут. На их лодках и переправлюсь.

– Ну, тогда пора.

Магиня негромко щелкнула пальцами, вскинула окрашенный в темно-красный цвет, любовно ухоженный ноготок. Озерные жители тут же стали хватать тюки с левой стороны тропы, волоочь их к излучине реки и, словно не замечая препятствия, безмолвно уходить с головой в воду.

Кто-то из пленных громко сглотнул.

– Куда ты теперь? – попытался оттянуть момент расставания Посланник.

– Есть такой город Дира, в котором полтора десятка лет назад родилась одна кареглазая девочка.

– Голубоглазая, – поправил Найл.

– Нет, кареглазая. Просто цвет зрачков потом поменялся.

– Ты собираешься захватить Диру?

– Они сами сдадутся, когда узнают, что Приозерье пало,

как и город пауков. Я предложу им принести мне вассальную клятву в обмен на жизнь и право служить мне в моей летней резиденции, и они согласятся. Неужели ты всерьез собралась оставить этот оазис себе? – удивился правитель. Ведь все знают, что пустыня принадлежит Смертоносцу-Повелителю!

– Но ведь ты не станешь выгонять свою подругу детства из ее родного дома! – с обескураживающей улыбкой сообщила Мерлю. – И дети твои не станут враждовать с ближайшей союзницей великого Посланника Богини. Пройдет совсем немного времени – лет сто пятьдесят, двести – и все постепенно привыкнут к тому, что оазис Дира мой.

Магиня отступила на пару шагов, улыбнулась и протянула правителю руку.

– Нужно идти. Мои водолазы могут задохнуться без кислорода. И не надо так грустить, Найл. Мы увидимся, я обещаю.

Посланник тоже вытянул руку, коснулся ее пальцев своими. Поддавшись порыву, сделал шаг вперед, но Мерлю, разом постарев лет на десять, предупреждающе вскинула ладонь:

– Не подходи!

По волосам ее побежала рябь, глаза посветлели, появились и моментально разгладились морщинки. Хозяйка Серых гор торопливо накинула капюшон, скользнула к реке. Несколько метров она продолжала двигаться сантиметрах в

двадцати над покрытой мелкими волнами водой, а потом резко, без единого всплеска, ушла в глубину. Спустя мгновение в этом месте закипела вода, но уже через минуту все прекратилось.

– Утонула, – зрелище настолько поразило одного из рыбаков, что он, забывшись, вылез из кустов и подошел к самому берегу. Осторожно коснулся ладонями поверхности воды, потом зачерпнул обеими руками. Холодная!

Он повернулся к лесу и громко предположил:

– Выходит водяной-то – баба!

– Осторожней со словами, – припугнул его Найл. – Это не баба, а королева. Магиня, Извечная и Всемогущая, Дарующая Дыхание, Живущая в Свете, Всевидящая, Пребывающая в Прошлом, Настоящем и Будущем, Хранительница Вечности и Повелительница Серых гор. Отзовешься непочтительно – к воде лучше не подходи. Обидится, отомстит.

Рыбак зашевелил губами, пытаясь запомнить длинный титул, а правитель, затаив улыбку, бросил на полноводную реку прощальный взгляд и развернулся к городу.

Под стеной, опасливо косясь на грозных смертоносцев, рядом с пленными хлопотали женщины, а кое-где мельтешили и дети. Связанных северян кормили с рук кого пирогами, давая запивать выпечку чем-то из фляги, кого-то потчевали ложкой из миски с похлебкой и кусками рыбы. Когда только все это приготовить успели? Откуда взяли?

Посланник ощутил – воины и их родные успели обменять-

ся впечатлениями о пришельцах. Теперь вера горожан в то, что их собирались сжечь, окрепла стократно. Лишь храбрость воинов, мужественно сдавшихся в полон, но обговоривших при этом почетные условия капитуляции, спасла селение от неминуемой гибели в геенне огненной.

Найл пожал плечами, прикидывая очевидную выгоду от возникшей легенды: горожане будут уверены в его способности держать данное слово и другим обещаниям тоже поверят. А при взаимном доверии найти общий язык с новыми подданными будет намного проще. Посланник Богини намеревался сохранить власть над Приозерьем навсегда.

* * *

Вопреки надеждам Найла, крупных баркасов в городе оказалось не более десятка, да и те по сравнению с кораблями смертоносцев казались карликами – больше десятка человек или пауков не вмещали. В результате переправка через озеро добычи и пленных растянулась почти на пятнадцать дней. Однако всему приходит конец. Вытоптанная поляна под стенами селения опустела – трава начала подниматься под зовущими лучами солнца, местные жители перестали обходить место лагеря далеко кругом. Большинство пауков разбрелось по окрестным лесам на охоту, однако не меньше сотни из них таилось на стенах ущелья, охраняя паутину, перегораживающую единственную дорогу через горы

Северного Хайбада, да еще около сотни неподвижно замерли на стенах крепости.

Уткнувшись носами в берег реки, покачивались под весом забирающихся девушек три пузатых баркаса.

– Всех парней я оставляю здесь, а девушек нужно взять с собой, – сообщил правитель, усевшись на траве рядом с Нефтис. – Дравиг останется командовать армией. Он опытный воин, и полторы тысячи пауков ему хватит, чтобы остановить любую попытку прорыва через ущелье.

Найл немного помолчал, потом продолжил:

– Кто-то должен руководить городом. Помнишь, что Навул тут устроил? Не вернись мы вовремя, уморил бы всех жителей до смерти. Нужен кто-то более опытный, умный. Имеющий опыт руководства. Кто смог бы удержать жителей в повиновении, не допустить в них всякой мысли о бунте – но и не мешал бы их обычной жизни. Они должны стать нам не врагами, а честными подданными. Пусть не лучше прочих, но и без злобы в душе...

Найл опять смолк. Нефтис тоже молчала, не желая понимать откровенных намеков. После нескольких минут угрюмой тишины Посланник тяжело вздохнул и сказал прямо:

– Ты должна остаться и принять на себя правление Приозерьем.

– Я надоела вам, мой господин, – тихо прошептала стражница.

– Все как раз наоборот, – Найл положил ей руку на плечо.

Я не могу без тебя обойтись. Я не могу обойтись без тебя ни дня. Мне постоянно нужны твоя отвага, твоя сила, твоя преданность, твоя любовь, твой опыт. Просто все эти годы ты была нужна мне рядом. Теперь ты нужна мне здесь. Наш мир становится все больше, и я не могу находиться сразу везде. Ты – моя правая рука. Моя правая рука должна находиться здесь, в Приозерье, на границе с империей северного князя. Ты понимаешь меня, Нефтис?

– Да, мой господин. Однако мой долг, в котором я поклялась Смертоносцу-Повелителю, защищать вашу жизнь так, как я хранила бы его самого от любой беды.

– Вспомни тогда и о своем звании, Нефтис, – покачал головой правитель. Ты не просто телохранительница, ты начальница стражи. Твой долг не стоять рядом со мной, а добиваться того, чтобы мне нигде не угрожала опасность. Сейчас опасность может угрожать только из-за гор или от местных жителей, которые так и не решили пока, смириться им с новой властью, или считать себя временно захваченными подданными князя, ждущими освобождения.

– Вы оставляете меня навсегда? – похоже, Нефтис смирилась со своей участью.

– Нет, – покачал головою Найл. – Мне будет тебя не хватать. Приглядывайся к нашим мальчишкам, давай им поручения, учи. Надеюсь, через некоторое время кто-нибудь из них сможет тебя заменить. А пока – я буду к тебе приезжать. Лично к тебе, поняла?

– Да, мой господин.

Посланник поднялся. С городской стены сбежал вниз Дравиг, тактично выжидавший, пока правитель распрощается со своей стражницей.

– Через ущелье не пройдет ни одна армия, будь это сам хоть сам Айвар Жестокий, – пообещал смертоносец.

– Я верю тебе, Дравиг, – кивнул Найл. – Вышли на перешеек между озером и горами паука. Магиня обещала сохранить в Дире почтового смертоносца, пусть твой воин вступит с ним в мысленный контакт. А я вышлю паука на границу между крестьянскими полями и пустыней, и тоже прикажу установить контакт с оазисом. Так мы сможем обмениваться сообщениями.

– Он выйдет сегодня же, Посланник.

– Наверное, это все...

Правитель бросил прощальный взгляд на своих верных соратников – редких друзей, уцелевших рядом еще с тех времен, когда безраздельным властителем города пауков и окрестных земель считался Смертоносец-Повелитель. Потом Найл быстро спустился к реке и запрыгнул в лодку.

Рыбак, не дожидаясь дальнейших указаний, навалился на высоко задранный нос, толкнул баркас на воду, привычно перевалился через борт, схватил весло и стал торопливо выгребать на стремнину. Следом отчалили оба других баркаса. Широкий гладкий плес внезапно сузился до пяти метров, течение стремительно промчал баркас между двух скальных

уступов. Река снова разлилась, хотя и не так раздольно, повернула, и темные стены города скрылись за стеной леса.

Берега сплошь состояли из повалившихся в воду деревьев, местами уже полностью сгнивших, местами еще сохранивших на ветвях зеленые листья. Кое-где этикакие завалы перегородивали русло почти до середины, собирая на себе тину, плавучий мусор, тухлые водоросли.

– Расчистить, что ли, некому? – удивился Найл.

– Шериф говорил: «Пусть лежат. Дабы к берегу пристать негде было», – ответил рыбак. – Боялся, вороги высадутся, да подкрадутся незаметно.

– Помогло?

– Вроде не помогло, – согласился рыбак.

– О себе думать надо в первую очередь, а не о врагах, – наставительно произнес Посланник, зачерпывая ладонью прохладную воду и поднося к губам. Сделав пару глотков, он внезапно вскинул голову, осознав очевидную вещь: – Ты что, знаешь наш язык?

– Знаю, – согласился рыбак. Бабка у меня из песков в город вышла. Отец тоже оттуда.

– Как его звали?

– Хамна.

– Да, – кивнул Найл. – Знал я одного такого паренька в городе Дира.

– Это не он, господин. Отец куда как старше вас был, да принесет ему Счастливый Край радость. Но про Диру мне

рассказывал. Пещеры это, рядом с соленым озером в пустыне. Правда?

Найл кивнул, с интересом вглядываясь в лицо рыбака, словно надеялся угадать в нем черты кого-то из своих родственников или друзей.

– Много в Приозерье переселенцев из пустыни?

– Нет, двух десятков не наберется.

– А по пустыне не скучаешь?

– Что вы, господин! Я уже здесь родился, у гор.

С помощью весла рыбак не столько греб, сколько направлял баркас, удерживая его на самой стремнине.

– Как тебя зовут, сын Хамна?

– Махнум.

– А почему ты не переселился в город пауков, Махнум? Ведь князь туда всех желающих звал.

– Мне отец с колыбели внушил пауков сторонится, – усмехнулся рыбак. Лучше я в лесу тройные налоги платить буду, чем среди смертоносцев деньги лопатой грести.

– Не везет тебе, сын Хамна. Махнум не пошел к смертоносцам, так смертоносцы пришли к Махнуму. Что теперь делать станешь?

Рыбак несколько минут размышлял, потом честно признался: – Не знаю, господин. Пограбили бы – точно ушел. А так – хозяйство бросать жалко. Баркас, дом, скотину. Поживем, увидим.

– Поживем, – согласился правитель и с удивлением заме-

тил, что русло реки впереди раздваивается, словно дорога между двумя селениями. Баркас повернул налево. А правая река куда ведет?

– То протока. Она скоро сужается, забилась совсем последние годы. А вообще, тут весь лес в ручьях, реках да протоках. Причалишь где, и никогда не угадаешь, то ли на берег вышел, то ли на остров. Но лучше не выходить. Зверья всякого много. Какое хищное, какое просто дурное. Жужелицы есть, многоножки. Мужики говорят, даже сколопендру видели. Хорошо, с лодки. А то бы, сами понимаете, рассказывать было некому.

– А про черных скорпионов твой отец не вспоминал? – поинтересовался Найл.

– А как же, вспоминал, – обрадовался рыбак. Как столкнется в лесу с какой-нибудь тварью, обязательно вспомнит. «Хорошо хоть, – говорит, – черных скорпионов тут не водится»!

Правитель рассмеялся, пересел со скамьи на дно баркаса и откинулся на борт. Он попытался вспомнить, сколько раз ему приходилось встречаться с ядовитым и длиннохвостым повелителем пустыни. Получалось, что раз пять. Последние три не в счет – тогда у него уже был меч, а рядом находились или жуки-бомбардиры, или братья по плоти. Но вот в первый – он имел только короткое кривоватое охотничье копьё с наконечником из шакальей кости. И было ему тогда всего двенадцать лет... Впрочем второй раз он оказался один на один

со скорпионом и вовсе с голыми руками. Единственного своего оружия – двух кремневых булыжников – он лишился в схватке со сколопендрой. Разумеется, ему не удалось убить этих хищников. В одиночку человек не способен справиться со сколопендрой, и ни при каких обстоятельствах – со скорпионом. Но он остался жив! А значит – победил.

За бортом баркаса тихонько журчала вода, покачивая пузатую, как бочонок, лодку с боку на бок. Где-то в безопасном удалении стрекотал кузнечик, пригревало высоко поднявшееся солнце, и правитель сам не заметил, как глубоко и спокойно заснул.

* * *

– Мы причаливаем, Посланник, – тронула Калла правитель за плечо.

– Уже? – Найл тряхнул головой, разгоняя дремоту, с удивлением увидел в небе над собой подкрашенные розовым цветом предзакатные облака. Сколько же мы плыли?

– Почти весь день, Посланник, – Калла пожала плечами. Идти по дну ненамного медленнее, но зато не тошнит.

– Если спишь, то и в лодке не тошнит, – усмехнулся правитель. Пора, – облизнув пересохшие губы, сказал Махнум.

Нос баркаса обо что-то ударился. Найл выпрямился во весь рост и увидел впереди, насколько хватает глаз, каменные россыпи.

– Скорее! – взмолился рыбак после очередного удара о береговые скалы. Девушки, зачем-то подняв копыя над головой, стали выпрыгивать на мокрые камни.

Только ступив на твердую землю и оглядевшись, Посланик понял, почему князь Граничный вел свою армию по пустыне, отказавшись от идеи построить в Приозерье флот и организовать у порогов волок. Беспорядочное нагромождение гигантских, в рост человека, валунов, между которыми стремилась, пенясь и вздымая мириады мелких капелек, вода, даже рекой можно было назвать с большой натяжкой. Пробиваться сквозь облака водяной пыли даже без груза оказалось непростой задачей: прыгая с валуна на валун, люди рисковали поскользнуться на мокром, покрытом скользким зеленым мхом камне; а пытаясь идти вниз, между скалами, по колено в воде, запросто могли вывихнуть ноги, то и дело застревавшие в узких щелях, промытых потоком.

– Может, посуху обойти? – предложила какая-то из воительниц.

– А где тут «сухо»? – тотчас поинтересовалась другая. Эти пороги, может, на половину дневного перехода в ширину.

Пару раз грохнувшись после очередного прыжка о прочный гранит и свалившись между валунов – если бы не доспехи, ребра бы переломал – правитель склонился в пользу движения «низом», и стал пробираться через скальный лабиринт топая по воде. Он тщательно прошупывал ногой дно, прежде чем ступить, однако пару раз все-таки провалился в

глубокие промоины. Глубина этих холодные ловушек оказывалась примерно по пояс, однако от неожиданности каждый раз казалось, что тонешь с головой. Плавать за свою жизнь Посланник так и не научился, а потому эти сюрпризы приозерных порогов становились неприятными вдвойне.

– Представляете, девочки, если нам тут еще и ночевать придется? – Калла оглянулась на опускающееся за горизонт солнце.

– Нужно нам было в баркасе до утра оставаться, – вздохнула девушка слева от правителя.

Найл выбрал относительно пологий камень, на четвереньках выбрался на его макушку, расчистил ее ото мха и выпрямился во весь рост. На фоне светло-голубого неба отчетливо выделялись темные вертикальные черточки.

– Никаких ночлегов! – предупредил спутниц Посланник. Мачты уже видно. Часа за три дойдем.

После столь обнадеживающего известия воительницы прекратили разговоры и устремились вперед. Вскоре валуны начали тонуть. А может, уровень воды повышаться. Что так, что этак – но вскоре братья по плоти пробирались уже по поясу в воде, потом по грудь. Теперь в промоины люди ухались с головой и торопливо выбирались на холодные мокрые камни, под темное холодное небо. Как назло, в эту ночь звезды и Луна решили не загораться на затянутом тучами небе.

– Чего нам сейчас не хватает, так это дождика, – в крошечном мраке шутка прозвучала особенно мрачно.

– Хватит ломиться напрямик, – решил Найл. – Потонем все. Поворачиваем направо. Раз река стала глубже, должна тогда и сузиться. Берег где-то недалеко.

Правитель сам не очень доверял своему умозрительно-му заключению, но идти на глубину было бы еще большей глупостью, чем пытаться найти берег среди ночного мрака и камней. Однако, уже метров через сто глубина пошла на убыль, а еще через десяток метров под ногами явственно ощутился песок. Теперь с каждым шагом воды становилось все меньше, песка – все больше, и валуны начинали утопать именно в нем.

– Великая Богиня! Никогда не думала, что буду так радоваться пустыне!

– Дерево хочу. А лучше – сразу костер. В мире песка с приходом ночи на землю сразу опускается холод. Обычно барханы удерживают дневное тепло по крайней мере несколько часов – но возле порогов вода убила щедрый дар солнца в считанные минуты.

– Двигаться нужно, а то замерзнем, – напомнил правитель и направился, как он надеялся, в сторону города пауков. В сложившихся обстоятельствах людям лучше заблудиться, чем застыть. Раскаленная днем, ночью пустыня способна превратить воду в лед.

– Я костры вижу, или мне мерещится? – Правитель узнал голос Каллы. – Вот там, слева.

По левую руку от путников и правда дрожали похожие на

огонь алые светлячки. Найл повернул к ним – не все ли равно, куда идти? Только метров через пятьдесят стало ясно, что это лишь подвешенные на шестах фонари.

– Кто идет? – послышался грозный окрик, стоило первым из воительниц вступить в круги света.

– Свои!

Тут же из мрака побежали навстречу люди, забирая у мокрых, замерзших и усталых путников оружие, щиты, котомки.

– В лодки всех! Немедленно! – командовал уверенный женский голос. Пусть на ходу раздеваются. И сразу в трюмы, раздеть, укрыть выворотками, дать вина.

Найла тоже заботливо обезоружили, подхватили под руки.

– Панцирь сразу снимай, не мерзни, – посоветовал лопухий моряк. От него половина холода. Сюда иди, лодка здесь.

– Все в порядке, Ухлик, – проявился в дрожащем свете фонаря неясный силуэт. Иди, снимай огни.

– Слушаюсь, госпожа, – поклонился мужчина и торопливо побежал выполнять приказ.

– Назия? – скорее угадал, чем узнал правитель.

– Да, Посланник Богини, – со своей обычной дерзостью, кланяться надсмотрщица не стала. Идите сюда.

Женщина помогла ему забраться в лодку и коротко приказала:

– Отчаливай.

Опытные гребцы за считанные минуты подогнали свою посудинку к кораблю. Сильная Назия чуть ли не перекинула

правителя на палубу, запрыгнула следом и, не давая Найлу опомниться, потянула его к кормовой надстройке.

– Подождите, не садитесь.

На этот раз морячка «забыла» произнести его титул или обращение «господин». Руки ее быстро и ловко расшнуровали кожаную воинскую тунику, бесцеремонно содрали ее с правителя и отшвырнули в сторону. Откуда-то появился большой кусок жесткой ткани, которым женщина торопливо то ли растерла, то ли высушила его тело.

– Вот, выпейте, – морячка поднесла к его губам большую чашу вина. Все сразу.

Найл в несколько глотков осушил деревянную пиалу. Женщина тут же отобрала ее, откинула широкую, распоротую вдоль выворотку, подхватила правителя на руки и уложила в густой мех постели, укрыв сверху другим. Потом она вскинула руки к плечам. Послышался двойной щелчок, туника опала на пол, а морячка бесцеремонно забралась к Посланнику в постель.

– Вам нужно согреться, мой господин. Это не дерзость. Я всего лишь лекарство. Только лекарство и больше ничего.

Найл подумал, что надсмотрщица собирается согреть его своим телом, но морячка сразу запустила руку ему в пах, и стала выжидательно поглаживать маленький и сморщенный от холода член.

Удостоившись такого пристального внимания, малыш встрепенулся и начал быстро расти, стремясь продемонстри-

ровать всю свою мощь «нефритового стержня», как называли этот источник сладострастия древние китайцы.

Ощувив крепость пениса, женщина переместилась наверх, оседлав своего господина, ввела «нефритовый стержень» в себя и только после этого наклонилась вперед, укрыв Найла раскаленным телом.

– Не думайте, – еще раз выдохнула она. Я всего лишь лекарство. Просто лекарство.

Назия совершенно забыла, что Посланник Богини умеет читать чужие мысли. А мысли у морячки были весьма прямолинейны, хотя и естественны. Она слегка сдвигалась вперед-назад, обдавая лицо Найла горячим дыханием, потом выпрямилась, откинув одеяло назад. Однако холод уже исчез, растопленный неподвластной любым морозам страстью. Морячка, закинув голову и закрыв глаза, играла бедрами – то мелко дрожа, то вскидывая их вверх, то качаясь из стороны в сторону, словно исполняя некий неизвестный всем прочим танец. Она совершенно забыла о продекларированной цели и думала только о себе. Впрочем, Найл не возражал. Промерзший до костей и теперь согретый, ошеломленный властным напором, замешанном на почтении, сейчас он находился в сладостной истоме, наблюдая за вдохновенной страстностью женщины, за переполняющим ее, перехлестывающим через край наслаждением, сам купаясь в накатывающих волнах чужого блаженства.

Морячка чувствовала тело правителя лучше его самого,

и когда Найлу казалось, что вот-вот произойдет завершающий взрыв, Назия внезапно прекращала свою игру, наклонялась вперед, целовала лицо, грудь, плечи, гладила волосы – а потом снова начинала сладострастный танец, выводя на вершину блаженства, но никак не давая взорваться вулкану страсти – обманывая ее, отвлекая внимания, переигрывая – и снова заманивая к пику желаний.

Но мужское естество невозможно обманывать бесконечно, и в конце концов оно рванулось вперед, сметая преграды, заполняя собою все миры и сознания, карая коварную женскую плоть резкими ударами и взрывами, готовыми, казалось, пробить ее насквозь.

Назия расслабленно осела набок, но не позволила члену правителя покинуть лоно. Она повернула правителя лицом к себе, обхватила к себе, крепко прижала и замерла, продолжая честно выполнять обещанное – согреть Посланника Богини своим телом. Ведь она – всего лишь лекарство...

Утром они проснулись почти одновременно. Назия подхватила одежды и выскочила из каюты. К тому времени, когда еще ошалевший от ночного приключения правитель оделся, нашел чем укрыть наготу взамен все еще мокрой туники и вышел на палубу, Назия и Соленый ждали его с почтительным видом подданных, готовых покорно снести гнев повелителя или с достоинством принять похвалу. Первым, естественно, доложил о положении дел на флоте Соленый. Смертоносец коротким мысленным сообщением дал понять

о том, что пришедший из Приозерья груз уже отправлен в город, что все корабли целы и исправны, но некоторые из моряков за прошедший месяц умерли.

— Пленные были отправлены на десяти кораблях под охраной смертоносцев, — уточнила Назия, — оружие и доспехи погружены отдельно, на два корабля.

Разница в докладах получалась из-за того, что Солёный стал командующим флотом случайно, во время военной неразберихи и ничем не отличался от всех прочих пауков: совершенно не умел считать, и не всегда четко выражал свои мысли в разговорах с двуногими. Вдобавок, сохраняя менталитет восьмипалых времен Смертоносца-Повелителя, он продолжал считать людей низшими созданиями, воспринимая их всего лишь как одну из деталей оснастки корабля.

Но, нужно отдать ему должное, Солёный смог спасти корабли, сохранить их во время войны, спрятать, увести в неизвестные воды. Одно это заставляло Посланника Богини относиться к восьмипалому с уважением, и всегда заслушивать первого, как бессменного капитана флота.

Назия же на острове детей получила воспитание надсмотрщицы корабля. Хотя любое образование двуногим запрещалось под страхом смерти, хозяйки кораблей не могли не учитывать количество моряков на борту, необходимый им провиант, одежду, снаряжение. Поэтому смертоносцы испокон веков делали вид, что не замечают умения морячек складывать, вычитать и умножать. Благодаря этому неглас-

ному договору любая женщина теперь могла предоставить куда более точный отчет о положении дел, чем номинальный руководитель флота.

– Молодцы, спасибо, – кивнул правитель.

– За месяц погибло пятеро моряков, – добавила Назия. – Одного захлестнуло канатом, одного сбило поперечной балкой при поднятии паруса, двое утонуло, один умер после болезни.

Это было не желание блеснуть доскональным знанием происходящего на кораблях. Морячка стремилась напомнить правителю, что команды нуждаются в пополнении состава. «Без людей корабли мертвы».

– Без людей все умирает, – сухо ответил Посланник.

Люди, люди, люди. Это стало извечной проблемой после возвращения братьями по плоти города пауков под свою власть. Когда-то во владениях Смертоносца-Повелителя жили, трудились, размножались и умирали десятки тысяч двуногих. Война слизнула почти всех. В городе остались считанные сотни прежних жителей. Хотя сюда успели прийти сотни переселенцев из северных стран, это ничего не меняло. Чтобы нормально жить и устоять в случае очередной войны городу требовались ткачи и склейщики воздушных шаров, требовались моряки и ассенизаторы, требовались надсмотрщицы и крестьяне. Да что там крестьяне – Посланник имел трофейного вооружения на двести воинов, но в рядах двухтысячного братства по плоти насчитывалось всего тридцать

человек.

Хуже всего – остров детей, на котором пауки воспитывали двуногих для нужд города был пуст. Нужные специалисты не просто отсутствовали сейчас, их появления не ожидалось и в обозримом будущем. Правитель прошелся по палубе, крепко вцепился обеими руками в поручни и устремил свой взгляд на север. Туда, где людей так много, что матери выбрасывают младенцев на съедение жукам или вытравливают их из своих животов.

– Прикажете поднять якорь? – Назия опять забыла про титул, и Найл мстительно не отреагировал на ее вопрос.

– Прикажете поднять якорь, Посланник Богини? – соизволила вспомнить про этикет морячка.

– Да, поднимайте, – кивнул правитель.

– Весла на воду! – решительно скомандовала Назия. – Левый борт назад, правый сильно... и р-раз! И р-раз! Суши весла! Кирнук, хвостик свой веслом не прищечи! Поднять парус!

Послышался веселый девичий смех, сопровождаемый непонятными комментариями о мужчинах и хвостах. Повернув голову на шум, Найл с изумлением обнаружил, что моряки ставят парус в обнаженном виде. То есть – в совершенно голом. Только разглядев разложенные на носовом помосте туники, правитель понял, в чем дело. Туники его спутниц, так же, как и его собственная, к утру еще оставались мокрыми. Воспитанная смертоносцами Назия, привыкшая

считать женщин выше мужчин, решила, что удобство воительниц важнее стыда моряков – и приказала им отдать свою одежду дамам. Вот и скакали теперь по вантам голые мужики, краснея от насмешек девушек и морячки...

Кстати, об одежде для Посланника Богини Назия тоже беспокоиться не стала – он был вынужден обернуть бедра тем куском ткани, которым морячка вытирала его вчера вечером. Вспомнив про свою кожаную тунику, Найл сходил в каюту, забрал ее и расстелил на палубе, в тени паруса. Пусть сохнет.

Толстая балка, лежавшая по диагонали от носа к корме, поползла вверх, стремительно и тяжело поворачиваясь. Подвязанный к ней парус рассыпался на палубу и, наконец, ушел вверх, дав людям отдышаться. Поперечная балка заняла свое место на макушке мачты. Моряки торопливо подвязывали канаты.

– Рулевой, нос влево не торопясь! – продолжала командовать Назия, рыская глазами по берегам, словно опасаясь спрятавшихся под поверхностью рифов. Нос прямо!

Правителю показалось, что никакого ветра над пустыней нет, однако ткань паруса все же качнулась вперед, медленно утягивая судно за собой. Вдоль бортов зашелестела вода.

– Рулевой, нос влево не торопясь! Киллинг, угол на себя! – обнаженный моряк вцепился в привязанный к углу паруса канат, уперся обеими ногами в лавку для гребцов и напряг мышцы. Еще на себя! Рулевой, нос прямо! Рулевой, нос на-

лево спокойно!

Корабль величественно перемещался посередь реки, легко и непринужденно повторяя все ее повороты. Под ним, ясно видимый сквозь ровную гладь воды, плыл еще один корабль, точно такой же, но опустивший мачту с парусом куда-то в глубину.

– Лури, угол на себя! Вы что не видите, ветра нет! Рулевой, нос направо спокойно! Нос прямо! Закрепить углы! Нос налево не торопясь!

Найл, перешагивая развалившихся на палубе воительниц, прошел на нос, остановился рядом с надсмотрщицей.

– Скоро в городе будем?

– Часа через три, – морячка, прикрыв глаза от ярких лучей, взглянула на небо, и добавила: – По течению хорошо двигаться, быстро.

– Скажи, Назия, а что, рулевые даже чистым ясным днем не способны вести корабль без твоих команд?

– Лучше подстраховаться. Все мужчины глупы, могут что-нибудь напутать.

– М-м, – в очередной поразился Найл ее нахальству и неумолимой безапелляционности. Может быть, не все?

– Среди тех, кого я знаю – все, мой господин.

Посланник задумчиво подергал себя за ухо, но в спор решил не вступать:

– Пойду в каюту. Что-то замерз я тут с тобой.

Назия повернулась к нему, изумленно приоткрыв рот,

долго смотрела прямо в глаза, потом перевела взгляд на помост. Под жаркими солнечными лучами от влажных туник поднимался ясно видимый пар. Найл зябко передернул плечами и пошел на корму.

В сумраке каюты было куда прохладнее, чем на палубе и Посланник с удовольствием вытянулся на постели. Немного повалявшись, он решил выпить вина, встал сделал шаг к столу. В этот миг открылась дверь и внутрь вошла Назия.

– Тоже замерзла? – склонив набок голову, спросил Найл. Морячка промолчала, неуверенно прикусив нижнюю губу.

– Скажи, Назия, а что это за штучки у тебя на плечах?

– Это застежки. Мне их один торговец в городе показал. К ним подкалывается ткань. Если сделать вот так, – женщина вскинула руки к плечам. Они раскрываются.

Послышался щелчок, и туника соскользнула на пол. Морячка перешагнула через белую ткань, внимательно рассмотрела правителя с ног до головы.

– Эта одежда недостойна вас, мой господин, – морячка протянула руку и сорвала с Найла повязку, которой тот обернул свои бедра. Потом отступила и снова внимательно осмотрела его с ног до головы, словно смертоносец, решающий – съесть нового слугу, или отправить его на работу.

Под пристальным оценивающим взглядом член молодого человека напрягся, однако Найл ощутил не возбуждение, а раздражение. Он уже собрался сказать что-то суровое, повелительное, как вдруг Назия опустилась на колени и нежно

обняла член губами, качнулась вперед.

Сладострастная волна покатилась от «нефритового стержня» вверх по телу, гася гнев и путая мысли. Найл запустил пальцы морячке в волосы, но это была лишь видимость попытки взять ее в свои руки. На самом деле это он опять оказался полностью во власти женщины.

«Великая Богиня! Неужели точно так же она вознаграждает своих моряков за хорошую работу?! – нежданно подумалось правителю. Да любой из них наверняка готов умереть по первому ее слову!»

Морячка почувствовала, что мысли мужчины скользнули куда-то не туда, немного отстранилась, снова перехватила «нефритовый стержень» губами, чуть качнулась, осторожно лаская пальцами мошонку, и Найл больше уже не мог заметить ничего вокруг.

Назия взяла его на руки, положила безвольное тело на постель, ввела член в себя, наклонилась вперед и горячо прошептала:

– Возьмите меня, мой господин, я ваша, я ваша вся, целиком. Я принадлежу вам, мой господин, владейте мной, делайте со мной все, что пожелаете. Я полностью в вашем распоряжении...

Разумеется, это была откровенная ложь.

На причале Посланника Богини встречали Тройлек и Саарлеб. Но если выросший в северных землях и воспитанный при дворе князя Граничного смертоносец просто не мог не соблюсти букву этикета, и не явиться лично с почетным караулом для своего господина, то появление предводителя жуков-бомбардиров с четырьмя телохранителями оказалось полной неожиданностью. Обычно жуки кичились своей независимостью и при каждом возможном случае игнорировали важные для пауков события.

Найл легко перепрыгнул с кормовой надстройки на причал, кивнул встречающим. Тройлек коротко и, как он надеялся, незаметно скользнул по сознанию правителя, выясняя настроение господина. Убедившись, что никакой грозы не ожидается, смертоносец присел в ритуальном приветствии и выстрелил краткой мыслью о том, что для повелителя накопилось много мелких вопросов, но в общем и целом все в порядке.

– Рад тебя видеть, Тройлек, – разрешил ему подняться Найл. – Но если ты не перестанешь копать в моих мыслях, я тебя все-таки утоплю.

Паука угроза правителя ничуть не беспокоила. Восемиллапые привыкли доверять эмоциям людей больше, нежели произносимым словам, а никакого гнева на управителя По-

сланник Богини не испытывал.

Рад видеть тебя, Саарлеб, – повернулся Найл к Хозяину жуков-бомбардиров. – Что привело тебя на берег реки?

– Мы рады твоему возвращению, Посланник Богини. Двое моих жуков готовы проводить тебя до дворца, дабы оградить от возможных опасностей.

Вот так да! Разумеется, никакой опасности правителя ожидать не могло, двое жуков-бомбардиров – это был символ. Жуки предоставляют почетный караул представителю общины пауков! Такого еще не случалось с самого момента их появления в городе.

– Благодарю, Хозяин, – кивнул Найл, решив оставить выяснение причины подобных метаморфоз на потом.

Правда, осторожный Тройлек тут же приказал своему почетному караулу занять позицию между жуками и Посланником. В таком виде процессия и двигалась по улицам: первым шел Найл, чувствуя себя совершенно в дурацком положении, следом Тройлек, за ним вооруженные короткими палками слуги из дворца, чуть позади двое жуков.

А немного в стороне двигались, оживленно болтая, полтора десятка смешливых девчат, в доспехах, с копьями на плечах и щитами за спиной. Они не обращали на правителя ни малейшего внимания – но при любой опасности именно они без труда смешали бы с пылью и слуг, и жуков, и любого другого, кто встал бы на их пути.

В своих покоях Найл с наслаждением скинул доспехи и

обязательную под них тунику из толстой грубой кожи, склонился над тазиком. Служанки сразу с двух сторон стали лить ему на спину воду из глиняных – чтобы тепло лучше сохраняли – кувшинов. Правитель, громко и с удовольствием отфыркиваясь, помылся, а потом с не меньшим наслаждением накинул свою старую, легкую и привычную тунику, в которой отмахал, наверное, тысячи километров по пустыне, сотни километров по горам, и десятки по морю, в которой сражался за освобождение города... Кстати, пятна от крови исчезли. Наверное, Тройлек приказал отстирать.

В дверь постучали.

– Кто там?

– Простите, Посланник Богини, – в покои правителя с тяжелым подносом вошел молодой паренек, быстро выставил на стол высокий прозрачный кувшин с вином и вазу фруктов, поклонился. Управитель Тройлек просил передать, что пир в честь вашего возвращения готов начаться в любой момент по вашему желанию.

– Хорошо, иди.

Интересно, с кем это должен, по мнению хитрого паука, пировать Посланник? С жуками? Такой близости они никогда не допускали. Со смертоносцами? Но методы употребления пищи двуногими и восьмилепыми разнятся до такой степени, что обычная человеческая трапеза вызывает отвращение у пауков, а обед смертоносца способен вызвать рвоту у любого из людей. Пир вместе с девчонками, вернувшимися

из Приозерья? Однако, выросшие в походах братья по плоти не умели пользоваться ни ложками, ни вилками, ни тарелками. Мало того – никто из братьев и не собирался менять своих привычек. Обычные трапезы соратников Посланника выглядели настолько безобразно с точки зрения «интеллигентных» северян, что всегда проходили за закрытыми дверями – даже слуг воротило от подобного зрелища. Темнит что-то Тройлек, ой темнит. Вечно эти смертоносцы пытаются играть людьми, как детскими куклами.

Найл налил себе вина, взял из вазы кисть винограда и уселся в кресле перед окном. Ему вспомнился Шабр, главный ученый Смертоносца-Повелителя, отвечавший за чистоту расы двуногих. Покорные, раболепные слуги пауков быстро вырождались, и для поддержания породы восьмилупые добавляли в их жилы свежую кровь – отлавливали в пустыне «диких» людей. Особую надежду местные селекционеры возлагали на Найла, заметив в нем незнакомые ранее признаки, но... Маленький дикарь устроил большой бунт, в результате которого Великая Богиня Дельты объявила его своим посланником и приказала назначить правителем города.

Мудрый Шабр в числе прочих выразил ему полную свою покорность и подчинение и... продолжал использовать как производителя. Только если раньше он мог просто приказать человечку оплодотворить ту или иную женщину, то теперь устраивал «случайные» встречи, мелкие «неожидан-

ные» приключения, организовывал женщинам героические поступки, после которых правитель никак не мог не «вознаградить» тех за храбрость или внимательность.

В полной мере ловкость восьмипалого селекционера Посланник распознал только в Дельте, когда выяснилось, что каждый третий из родившихся детей зачат от Найла.

– Рад видеть тебя, Посланник! – забежал в проем окна не крупный по современным меркам паук и остановился на потолке.

– Рад видеть тебя, Шабр! Я как раз о тебе вспоминал.

– Я слышал.

А еще ученый смертоносец никак не желал отказаться от привычки подслушивать мысли всех ближайших двуногих, не делая исключения и для Найла.

– Как твои успехи, Шабр?

– Ничего утешительного, Посланник. Мы с Сидонией обошли все дальние фермы, но ни одного ребенка не собрали. Некоторые надсмотрщицы стельные, но плоды у них десятого поколения.

Именно на десятом поколении полностью вырождались слуги пауков, становясь ни на что негодными уродцами. И что мы будем теперь делать, Шабр? – Найл залпом выпил вино. Если самое позднее лет через десять мы не сможем воспитать новых людей, то у нас опустеют поля и солеварни, встанут корабли, не поднимется в небо ни один шар. За что тогда мы сражались? За право переселенцев с севера жить

на нашей родной земле? Для этого не стоило возрождать память. Пусть лучше о нашем существовании мир забудет раз и навсегда.

В коридоре за дверью послышалось громкое цоканье по полу паучьих коготков. Туда-обратно, туда-обратно. Опытный царедворец, Тройлек считал невозможным вторгнуться в покои правителя с какими-то делами. Покои потому так и названы, что властители отдыхают в них от повседневных хлопот. Однако смертоносцу очень хотелось, чтобы о нем вспомнили.

– Входи, Тройлек, – не выдержал правитель. Чего тебе так хочется сказать?

– Дети есть, – вбежавший в комнату паук тоже почему-то решил остановиться на потолке. Похоже, пришельцу с севера очень хотелось походить на братьев по плоти. Я же уже предлагал! В землях князя Граничного матери сплошь и рядом отказываются от детей, подкидывают их в чужие дома, а иногда и просто убивают сразу после рождения и выбрасывают. А бывает, выбрасывают живыми. Еще некоторые двуногие врачи вырезают еще не рожденных детей прямо из живота. Нужно просто собирать их. Или платить за детей деньги – и тогда люди сами станут приносить их со всей страны.

– Тройлек, а не по твоему ли наущению я отбил Приозерье и перекрыл ущелье из северных земель? Думаешь, после всего этого князь так спокойно позволит нам собирать в своих землях самое ценное, что там только есть? А?

– Все правильно, – согласился паук. Сейчас мы обезопасили себя от внезапного нападения. Теперь нужно заключить мирный договор и открыть границу.

– Как? – в конце концов Найлу надоело задирать голову к потолку. Он развернулся в кресле, закинув ноги на спинку и улегшись на сиденье. Так стало гораздо удобнее наблюдать за смертоносцами, но с надеждой выпить еще вина пришлось распротиться.

– Очень просто. Во всем цивилизованном мире существует право победителя. Вы имеете право вступать в близость с любой женщиной из попавших в плен. Вы должны лишить девственности княжну. Это ваше право и попрекнуть вас в этом не посмеет никто. Потом нужно предложить взять Ямиссу замуж. В свете случившегося это будет весьма почетное предложение. Вы станете зятем князя, его родственником. А с родственниками воевать не принято. По крайней мере в первые месяцы. Граница будет открыта и все, что только можно получить в княжестве, мы сразу попытаемся купить. Тройлек торжественно закончил изложение своего плана и замолк, ожидая похвалы. Найл слез с кресла, подошел к столу и налил себе вина. Почему-то каждый раз, когда он сталкивался с правилами поведения цивилизованного мира, ему хотелось выпить. Он проглотил один бокал, не почувствовав вкуса темно-красной жидкости, налил второй, повернулся к смертоносцам, задрав голову до боли в шее и внезапно рявкнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.